

А.В. Рубцов

**Модели цивилизационного развития
в контекстах универсального дискурса.**

Состав проекта, тематическая структура, каркас категорий

Alexander V. Rubtsov

**Models of civilizational development
in the contexts of universal discourse.**

Composition of the project, thematic structure, frame of categories

Тема «Российский проект цивилизационного развития» рассматривается как комплексная и долгосрочная исследовательская программа. Формированию собственных моделей должен предшествовать анализ уже сложившегося общего дискурса о цивилизации во всем многообразии его основных предметов и ракурсов, методологических подходов и языков описания. Охватить целое в его хотя бы приблизительной полноте позволяет метод контурного картирования. Длиннофокусная оптика впервые дает представление о границах и общей структуре объекта. Это позволяет осмысленно выбирать в проекте собственные ракурсы, опуская остальные «зряче», а не в силу незнания или слепой инерции. Метод позволяет справиться с резко выраженной полисемией, в том числе основных категорий темы: «цивилизация», «проект», «российское»... Подключаются смежные предметы: идентичность, конфликт цивилизации и культуры, вызов и ответ, цивилизационный выбор России, постколониальный этос, отношение к проектности в ситуации постмодерна. Акцентируются факторы существования, упадка и гибели исторических и новейших цивилизаций (цивилизационная эсхатология). Особо отмечены сырьевые модели и производные от них ресурсные социумы. Показано уникальное значение философии для понимания всей глубины проблемы смены вектора развития, в том числе с сырьевого на инновационный. Технократические иллюзии мешают понять, что для решения таких поистине цивилизационных, исторических задач недостаточно директив, оперативного администрирования, трансфера технологий и финансов. Показана необходимость изменений в экономике, институциональной среде, политике и психоидеологии, связанной с вековыми архетипами и инерциями сознания.

Ключевые слова: проекты, цивилизация, идентичность, вызов и ответ, цивилизационный выбор, универсальный дискурс, контурное картирование содержания, смена вектора развития, цивилизационная эсхатология, ресурсные и сырьевые модели.

The topic “Russian Civilizational Development Project” is considered as a comprehensive and long-term research program. The formation of new models should be preceded by an analysis of the already established general discourse about civilization in all the diversity of its main subjects and perspectives, methodological approaches and languages of description. To cover the whole in its at least approximate completeness allows the method of “contour mapping”. Long-focus optics for the first time gives an idea of the boundaries and general structure of an object. This allows to choose own perspectives in the project consciously, omitting the rest “sightedly”, not due to ignorance or blind inertia. The method allows to cope with a sharply expressed polysemy, including the main categories of the topic: “civilization”, “project”, “Russian”... Related subjects are connected: identity, the conflict of civilization and culture, “challenge and response”, the civilizational choice of Russia, postcolonial ethos, attitude to project action in a postmodern situation. The factors of existence, decline and death of historical and modern civilizations (“civilizational eschatology”) are emphasized. Commodity models and derivative resource societies are especially noted. The unique importance of philosophy for understanding the full depth of the problem of “changing the vector of development”, including “from raw materials to innovative ones”, is shown. Technocratic illusions make it difficult to understand that directives, operational administration, technology and finance transfer are not enough to solve such truly civilizational, historical tasks. The necessity of changes in the economy, institutional environment, politics and psychoideology associated with the age-old archetypes and inertia of consciousness is shown.

Keywords: projects, civilization, identity, challenge and response, civilizational choice, universal discourse, contour mapping of content, change in the development vector, civilizational eschatology, resource and raw material models.

Данный проект относится к исследовательским инициативам особого рода. С одной стороны, он изначально предполагает активную авторскую позицию всего коллектива, в том числе (насколько это вообще возможно) основанную на общности понимания предмета и задач, а также на хотя бы относительно единстве подхода, идеи, рабочих гипотез и т.п. С другой стороны, это типичный случай большой и длительной многосоставной работы, которую, строго говоря, точнее было бы назвать не проектом, а исследовательской программой. В таких случаях требуется опора на хотя бы примерное понимание коллективами не только своих излюбленных позиций, но и всей полноты дискурса о предмете, существующего в философии (точнее, в философиях), в смежных науках самого широкого профиля и т.д., вплоть до живой коммуникации, разворачивающейся в историческом времени и политическом пространстве. Все эти вне нас существующие позиции должны оцениваться изначально на равных и только с учетом конкретики включающих их контекстов, а не в универсализации тех или иных локальных решений, какими бы родными и близкими они ни были исполнителям.

В подобных ситуациях сколь угодно авторитетный коллектив исследователей на старте скорее должен был бы заняться собой, собственной колеей, привычными вывихами и инерциями, – как когда-то говорили, «демонами». Для этого надо попытаться поставить себя в положение начинающего диссертанта, просто обязанного стартовать с максимально общего обзора и осмысления логики целого, а не с собственных сверхценных открытий. Это особая длиннофокусная оптика, но только она дает надежду не потерять что-то принципиально важное, либо когда-то кем-то найденное (но нами пропущенное или забытое), либо сейчас параллельно обсуждаемое другими и почему-то без нас, либо просто стремительно видоизменяющееся и заново оформляющееся в качестве нового буквально за время работы над проектом. Сам выбор такой динамичной и всеохватной темы обязывает исходить из того, что обсуждение больших констант и мегатрендов обязано учитывать и возможность скоростных изменений вплоть до цивилизационно значимых бифуркаций и флуктуаций (типичный пример – нынешний коронакризис). Отсюда повышенные требования к методологической рефлексии, метатеории и к самому методу, обеспечивающему максимальную открытость горизонта существующих проблем и решений. Лучшие исходят из того, что пока никто не знает, что из этого общего дискурса о цивилизациях и цивилизационных проектах окажется приоритетным для России в результате полномасштабного анализа и/или под воздействием не всегда предсказуемых изменений.

1. К методологии проекта. Издательская стратегия как прообраз исследовательской программы

Нет разницы между тем, о чем говорит книга, и способом, каким она сделана.

Ж. Делез, Ф. Гваттари

1.1

В самом деле, такие вечные и потенциально неисчерпаемые темы, как «Российский проект цивилизационного развития», вообще не предполагают сколько-нибудь объяснимого завершения. Но вместе с тем именно мегапроекты такого рода нуждаются в специально проработанных представлениях о тематической и проблемной *полноте предмета*. Чем масштабнее задача, тем более значимо движение от общего к частному – от образов и понятий *гипотетического целого*. То, что в рабочем конструировании называется «*правильно сформированный состав проекта*», включает чрезмерные флюсы, а главное – недопустимые пропуски в клю-

чевых развилках, в множествах объектов и проблем. Если проект что-то опускает (а это всегда в той или иной мере неизбежно), это «что-то» должно быть знакомо и эксплицитно обозначено – насколько это вообще возможно на каждом из этапов. Неизбежная ограниченность ресурсов, необходимых для освоения целого, не должна выглядеть как ограниченность авторов и их кругозора.

Это особенно актуально для коллективов, давно живущих и работающих вместе, в совместных изданиях и мероприятиях. Им бывает свойственно окукливаться в любимых сюжетах, причем так, что простейшая КТ потенциального содержания показывает до трех четвертей неработающей поверхности. Важнейшие проблемные направления могут не просто выпасть из поля зрения, но и, более того, блокироваться на входе как вносящие дискомфорт в привычную жизнь авторитетов и сообщества. Дополнительные усилия тратятся не на освоение новых проблем и контентов, а на априорное доказательство их ненужности. В запущенных случаях приходится идти на искусственную вентиляцию мозга с последующей «раскачкой дыхания» с помощью специальных аналитических упражнений.

Одно из упражнений такого рода – *контурное картирование содержания*, о котором со всей подробностью будет сказано позже, позволяет расширить даже очень ужатую повестку до «круга аналитических интересов здорового человека». Подобно компьютерной игре в «Цивилизацию», захват целого здесь также осуществляется посредством особого рода симуляцией. В данном случае это может быть, например, сборка *оглавления финального, сводного отчета* – постоянно корректируемая и пополняемая, но именно опережающая углубленные исследовательские действия. На сленге археологов это прозвучало бы как «где копать?». Понятно, насколько такая полнота условна, однако в идеале такой прием должен позволять пристойно закрыть проект на любой стадии, не оставляя при этом впечатления профессиональной неполноценности целого коллектива. Иначе работа превращается в вечно незавершенный ликбез с постоянно опаздывающим «освоением матчасти», когда в претензиях на хорошо организованный интегральный подход легко выпадают фундаментальные проблемы, включая судьбоносные для страны и требующие решения, что называется, по жизненным показаниям.

Обратное движение «от структурной гипотезы продукта» может быть востребовано уже на уровне планирования издательских стратегий. Дело даже не в особенностях министерского госзадания, по инерции все еще фиксированного на количестве публикаций, на формальных (квартильных) показателях их «качества» и т.п. Как уже отмечалось, опережающего обзора (пусть сколь угодно эскизного) требует сама специфика «очень большой программы». Из видения границ и общей структуры проблемно-тематиче-

ского контента следуют оргвыводы, касающиеся сборки коллективов, стратегий сотрудничества, кадровой политики и политики стимулирования, аналитического обеспечения, информационной поддержки, внедрения и утилизации результатов. Иными словами, максимально полный состав темы здесь объективен и первичен, а текущее состояние организации и коллектива исполнителя – субъективно и вторично, если не сказать случайно.

Программирование в формате «эскиз финала» не означает заорганизованности. Наоборот, оно исходит из понимания, что особо ценные результаты в науке сплошь и рядом возникают именно вне планов – как открытие Америки. Но чтобы так «продуктивно заблудиться», сначала все же необходимо было заняться прокладкой маршрута в Индию, причем не в каботажном варианте, а именно на карте мира, какой она была в то время. Философия тем более исходит из презумпции, во-первых, предельных оснований, а во-вторых, искомой полноты картины мира или хотя бы ее обсуждаемого фрагмента. Необязательные, приводящие ограничения, в том числе просто от незнания или нежелания грузить себя лишним, разрушая комфортные концептуальные «коконы», как раз и задают избыточную, а часто и не замечаемую заорганизованность.

В социогуманитарном знании фактор непредсказуемости откровений особенно важен. Здесь результаты чаще ожидаемы именно в самотеке, в стихийной самодеятельности индивидуальных авторов и микрогрупп. Однако корпус претенциозных изданий, которые уже по своему формату и статусу будут с самого начала восприниматься как «лицо проекта», желательно готовить с учетом пусть очень предварительной и непрерывно модифицируемой, но все же именно *программы*. Многое в итоге наверняка получится совсем иначе, чем виделось в начале и в ходе работы, однако образ будущего проекта на разных этапах его реализации часто подсказывает перспективные направления или, наоборот, возможные риски.

1.2

Такого рода риски обнаруживаются уже на уровне названий ключевых монографий, и это не проблема придумывания заголовков, а проблема смысла и его организации. Первая же книга, естественно, не может называться, как и вся тема, поскольку тут же возникают вопросы с названиями следующих трудов этой линейки. Но даже если проблема решается, например, добавлением подзаголовков, то и в этом случае логика таких «расширений» должна быть намечена заранее. Если с самого начала в рабочих вариантах попытаться обозначить хотя бы второй и третий подзаголовки, этот простой прием может скорректировать и проект первой книги, и всю стратегию. «Как корабль назовешь, так он и утонет».

Понятно, что данный вопрос выходит далеко за рамки игры слов на обложках, в титулах и библиографиях, но затрагивает структуру, формат и жанры самих изданий, а главное – методы сборки людей и текстов. На стадии запуска почти неизбежен облегченный прием – собрать заявки (особенно если даже без тем, а только с именами и сроками) и превратить будущие отдельные статьи в главы коллективной монографии с хотя и понятной, но все же именно априорной, дежурной структурой (например: «Теория», «История», «Современность»)¹. Но в проектах, сверхординарных по сложности и многоаспектности, проблемы состыковки часто проявляются впоследствии с нарастающей силой. Уже следующие книги такого ряда не без оснований начинают восприниматься сначала как обычные сборники, затем как выпуски альманаха, а в итоге и вовсе как номера сверхтолстого журнала – в твердом переплете и с аномальной периодичностью. Этому тем более способствует неизбежная в таких случаях пестрота авторских стилей, а главное, подходов. Часто свободное «многообразие точек зрения» в какой-то момент начинает восприниматься как недоработка именно в силу неадаптированной для этого жесткости формы при недостаточной диверсификации общей издательской стратегии.

В таких случаях отчасти помогает, например, чуть более сложная и гибкая структура томов, включающая не только стандартные для классической монографии разделы и главы, но также разные форматы и жанры². Не совсем линейные, разноформатные композиции снижают претензии к случайности и фрагментарности целого, более соответствуя образу живой работы и самой идее открытого поиска. Особенно это значимо на начальных стадиях больших проектов, когда команда ищет не только идеи, но также формы взаимодействия и коллективной репрезентации.

¹Важно лишь, чтобы такое деление на разделы не слишком «насиловало» тексты, по самой своей предметности и типу проблематизации относящиеся одновременно к двум, а то и ко всем трем разделам книги (см., например, уже обсуждавшийся текст Ю. Гранина [3]). Если отдельные тексты придется резать и делить между разделами, это может сказаться на представлении целостных авторских концепций.

²Так, в книге «Философия и идеология. От Маркса до постмодерна» [32] в первом разделе классическими главами были представлены проблемно взаимосвязанные доклады: «Философия как критика идеологий» (Э.Ю. Соловьев), «Философия как идеология» (В.М. Межуев) и «Иллюзии деидеологизации. К концепции “диффузной” и “проникающей” идеологии» (А.В. Рубцов); во втором разделе были собраны авторизованные материалы круглого стола «Философия и идеология; иллюзия деидеологизации», и, наконец, завершал издание отдельный блок статей, написанных авторами докладов на конференции «Карл Маркс и философия марксизма», посвященной 200-летию со дня рождения Карла Маркса.

2. Методика и смысл контурного картирования

Вычеркнутые слова остаются.

Виктор Эльконин³

2.1

Обсуждение публикационных стратегий прямо выводит на макроструктуру самого исследования, на проблемы его нарезки и этапности, границ, направлений и слоев. При этом принципиально важна работа именно с *контурной* картой. Часто именно отягощенность интересной конкретикой мешает увидеть целое в его собственной логике (или в ее отсутствии). В итоге неизбежная вначале случайная фрагментарность всего проекта консервируется, становится хронической и необратимой. При этом могут выпасть целые направления, все более приобретающие живую актуальность: проблемы вызова и ответа, выбора, материальных источников существования цивилизации и цивилизаций и самой цивилизационной эсхатологии – конечности существования цивилизаций и обстоятельств их гибели. Нас, по идее, это должно было бы интересовать, поскольку близкой исторической памяти у нас две как минимум, так же как и две истории гибели: самодержавной империи и коммунистического проекта (об эсхатологической судьбе постсоветского проекта пока говорить еще рано при всем драматизме произошедшего, происходящего и прогнозируемого).

Поскольку смысл каждого фрагмента речи или письма определяется в конечном счете контекстом, таким контекстом в контурной карте могут быть даже простые обозначения тематических направлений или проблем – «пустые соседства». Пустое, но корректно обозначенное в этой процедуре ценнее детально расписанного. Особые преимущества упрощенной и обобщенной графической схемы над натуральной аэрофото- или космической съемкой очевидны в любом автомобильном навигаторе при переключении опции «вид» между позициями «схема» и «космос». Либо мы с интересом разглядываем на экране фото деревьев и крыш в поисках собственной дачи, либо все же схематически видим общую дорожную инфраструктуру и понимаем, как и куда ехать.

Склейка готовых статей, от которой поначалу никуда не деться, дает рабочий материал, но может и затруднять подобную ориентацию. Контурная карта в собственном смысле слова предполагает единую географию, локаль-

³Чтобы имя не воспринималось как ошибка: Виктор Эльконин – художник, младший брат психолога Даниила Эльконина. Для сравнения см. также [7].

ные зоны которой «закрашиваются» последовательно или одновременно, но именно в общей навигации, каждая на своем месте. Если же такой общей навигации нет, расцвеченные лоскуты готовых статей и глав сшиваются в книгах, издаваемых по таким проектам, непосредственно друг с другом по мере поступления – просто потому, что так «исторически сложилось». В итоге Тамбов картируется встык с Провансом и т.д. и т.п., из тома в том.

Максималистские обзоры общего контекста необходимы уже на этапе самоопределения проекта в плане его научных претензий и политических амбиций. В нашем случае речь вряд ли может идти о прямом уподоблении масштабирующим образцам от Школы «Анналов» до Института Конфуция, не говоря уже об Институте мировых цивилизаций. Однако такой опыт необходимо иметь в виду как фон, на котором компетентная критика обычно воспринимает амбиции и результаты всех подобных проектов, особенно если претензии этих проектов предъявлены на широкую ногу – едва ли не как дар новой святой Руси заблудшему человечеству.

Важно также учитывать, что предыдущие «фоновые» программы-прецеденты могут быть исполнены в самых разных жанрах и типах институционализации: «Москва – Третий Рим», русская идея и советский проект коммунистического строительства; сборка германских империй от Священной Римской империи германской нации до глобального проекта нацизма и идеологии послевоенной реабилитации Германии (план Белля); American Dream, American Exceptionalism; Canadian Identity, Canadiana; Pacific Identity в австралийской итерации; японская модель (Japanese Uniqueness: Nihonron, Nihonjinron); панарабизм и арабский национализм («аль-каумийя аль-арабийя»); кемализм и «Шесть стрел Ататюрка», новый пантюркизм и «Видение 2023»; китайский ЭППП («один пояс – один путь»); чучхе в КНДР; мобилизационные идеи и национально-этнические идеологии «молодых восточных тигров» и т.д. и т.п. Сюда же относятся новейшие отечественные проекты России как отдельного государства-цивилизации и энергетической сверхдержавы, освоения экономики знания и опоры на человеческий капитал, «смены вектора развития с сырьевого на инновационный», культы великой победоносной истории и глобального превосходства отечественной моральной традиции... И все это под аккомпанемент заигрываний с искусственным интеллектом, военным сверхзвуком и цифровой цивилизацией.

Весь этот исторический, мировой и отечественный опыт составляет один из базовых слоев проблемно-тематической карты проекта. Любому коллективу так или иначе приходится рефлексировать над собственной амбицией, соотнося себя с этим общим контекстом. Для Института как ответственной исследовательской структуры это типичная ситуация вызова и ответа. По мнению автора схемы «challenge and response» Арнольда Тойнби, на вызов можно и не отвечать, но в данном случае коллектив не может делать вид, что

таких программ не существует в природе и что российская разработка не имеет к ним отношения. Показать свое место в таком ряду – действие непростое, даже рискованное, но честное, а главное, необходимое для самоопределения. В биоэтике нечто похожее называется *информированным согласием*.

В нашем случае подобные предупреждения особенно актуальны. В одном из вариантов проекта «Стратегии развития Института философии РАН» мегатема «Российский проект цивилизационного развития» как раз и была представлена именно в глобальном измерении, как российская альтернатива, с одной стороны, западному, а с другой – китайскому цивилизационному проекту. При этом проект ИФ РАН был представлен на данном фоне именно как проявление «мягкой силы» и «идеологической мощи России». Но в академической философии вряд ли имеет смысл выставлять напоказ то, что здесь уместнее как раз, наоборот, либо элиминировать профессиональной самокритикой (методичной редукцией идеологического) либо маскировать и секретить, как страшную военную тайну. Тот самый случай, когда «на себе не показывают». Это все равно что шумно соблазнять дам своей героической миссией... резидента под прикрытием⁴. При этом велика вероятность того, что именно там, где люди рассчитывают на всемирные аплодисменты, они как раз и выглядят наиболее провинциально – изобретателями идей и пропагандистами ценностей, освоенных давно и без них.

Вместе с тем с точки зрения собственно философии и социогуманитарного знания ничуть не менее амбициозной выглядит задача не просто «рабочего», но именно теоретического моделирования проблемного пространства, в которое так или иначе вписывается программа «Российского цивилизационного проекта». Для философии проблема не только в судьбе цивилизации и сосуществовании цивилизаций, но и в парадоксальном сосуществовании плохо совместимых друг с другом дискурсов о цивилизации. И хотя на старте практически невозможно выйти за рамки случайных констелляций исследователей, их интересов, заделов и потенциальных возможностей, понимание этого тем более говорит о необходимости отдельной проработки метау-

⁴Иногда в рабочих материалах у нас до сих пор цитируют данный фрагмент с сочувствием и как директиву: «На этой основе Россия может предложить привлекательный для всего мира проект глобализации как всечеловеческого содружества культур. Такой проект мог бы стать основой мягкой силы России, ее идеологической мощи в современном мире. Он послужил бы действенной альтернативой давно осуществляемому и ущемляющему российские интересы глобализационному проекту, позволил бы составить конкуренцию проекту глобальной идеологии, который активно продвигается Китаем». Независимо от собственно научной этики переход от философии на поляну идеологии не терпит самодеятельности, но требует специальных компетенций. Сами словосочетания «мягкая сила» и «идеологическая мощь» давно вызывают и в научных, и в собственно политических сообществах множество не самых приятных, а то и вовсе одиозных ассоциаций. Не говоря уже о том, что все это классический язык агрессивного общечеловеческого.

ровня – теории и методологии картирования проблемы как целого. Общий дискурс о цивилизации вообще и о цивилизационных проектах в частности представляет самостоятельную философскую и методологическую проблему. Отдельная наука – как внедряться в это множество крайне разнородных языков, не наращивая ситуации сумбура вместо логики.

2.2

В методологиях и техниках обычного, в том числе архитектурно-планировочного, проектирования такие виды работ достаточно устоялись, и это добротные, полезные аналоги. Вовсе не обязательно воспринимать их буквально, но в структурном отношении такие методики более или менее универсальны просто по определению.

Приведенный выше перечень того, что в истории и современности считается классикой цивилизационных проектов (от Третьего Рима до смены вектора), почти в точности соответствует содержанию так называемых ситуационных планов, предшествующих всякому конкретному проектированию. Еще до составления генерального плана более обширный по охвату ситуационный план показывает, где находится участок на карте целого и ему подобных, каково его окружение, в каких связях и взаимоотношениях с этим окружением он состоит. Официальная защита проекта реконструкции «Усадьбы на Гончарной» по необходимости начиналась бы с представления участка на карте Таганки и Москвы, с обсуждения результатов анализа общей градостроительной ситуации и т.п. То же, по идее, должно было бы быть обеспечено в отношении любого проекта цивилизационного развития.

Следующая стадия – так называемые опорные планы, показывающие все, что на проектируемом или реконструируемом участке уже существует: строения, зеленые насаждения, коммуникации и т.п. У нас в большой мегатеме с этим отдельная проблема. Участок «цивилизационного развития России и мира» не просто застроен, но застроен сверхплотно и сверхсумбурно и плюс к этому уже картирован множеством сильно не совпадающих друг с другом опорных планов от разных мастерских и инстанций. Совершенно неординарная сложность задачи проявляется в том, что давно сложившееся проблемно-смысловое поле проекта формируется сверхмощной полисемией уже в самой формулировке темы «Российский проект цивилизационного развития», в том числе полисемией каждого из ее терминов в отдельности. Слова «проект» и «цивилизация» не просто многозначны, но и принадлежат одновременно разным профессиональным и непрофессиональным языкам, игнорировать которые аналитик не вправе, даже если эти языки не являются собственно философскими. В этих контекстах слова «российское» и «развитие» также могут иметь весьма разные смыслы. В результате выражение «Российский проект цивилизационного развития» для стороннего реципиента по всем четырем со-

ставляющим может означать едва ли не все что угодно. И даже если в своем кругу мы можем рассчитывать на интуитивный смысловой консенсус (хотя тоже весьма относительный), это не столько достижение, сколько констатация наших же потерь. Обосновывая выбор отдельных ракурсов, мы вряд ли сможем убедительно объяснить, на каком основании в проекте как целом игнорируются все прочие возможные ракурсы, которые может приводить сторонняя и менее предвзятая критика. Консенсус солидарного незнания – не лучшая оценка в таких мегапроектах.

3. «Именные» категории темы: проблемно-семантический анализ

О многом здесь может сказать критический анализ категорий, входящих в саму формулировку темы «Российский проект цивилизационного развития». Данный анализ не претендует на полноту, но все же показывает, что диапазон возможных ракурсов и разночтений здесь гораздо шире, чем принято думать.

Начинать приходится с критики всех четырех терминов, входящих в формулировку темы: «проект», «цивилизация», «российское», «развитие». Все это предмет отдельного разбирательства; здесь же достаточно привести лишь некоторые моменты, показывающие, насколько эти категории далеки от однозначности понимания и очевидности смысла.

3.1. Так, само слово «проект» в предельно общих, философских цивилизационных дискурсах может означать:

– осуществляемую в большой истории модель становления, самореализующуюся «от начала времен и до конца света» (Русский проект, проект «Россия»); в этом смысле слово «проект» означает некое максимально обобщенное, интегральное движение (например, проект «Модерн» или даже проект «Человек»);

– те или иные особо крупные идеологические, политические, геостратегические, социокультурные, экономические, научно-технологические и т.п. программы, с большим или меньшим успехом реализуемые на разных этапах национальной истории, – геостратегические прорывы, имперские сборки, программы реформ и модернизаций;

– конкретные разработки, предлагаемые страной себе, городу и миру в заданной глобальной ситуации, предназначенные для воплощения в настоящем и будущем и выступающие в качестве нормативных моделей.

Во всех трех случаях термин «проект» предполагает разные типы авторства:

– в первом случае, условно говоря, автором проекта выступает «сама история», будто материализующая в реальном времени некое подобие гегелевской идеи цивилизации, государства, нации или этноса;

– во втором случае это власть как субъект политики, на разных этапах воплощающая идеи как особо крупные программы самосовершенствования, развития, экспансии, доминации и т.п. вплоть до своего рода цивилизационных «религий спасения»;

– наконец, в третьем случае это официально ангажированные или самодеятельные, инициативные группы представителей интеллектуального, экспертного сообщества: философы, идеологи и мнящие себя идеологами, специалисты в области стратегического планирования, производства смыслов и т.п.

Этим классификациям соответствуют типы продуктов и видов интеллектуальной активности:

– в первом случае это философия сущности данной цивилизации (образ ее идеи, базовая идентичность, социокультурный инвариант);

– во втором – философия истории (концептуальные модели в образах прошлого);

– в третьем – философия момента (критика близкой истории и настоящего с переходом на образы будущего).

Категория проекта по-разному воспринимается в картине мира и дискурсе модерна и постмодерна, в главном конституированного отторжением тотальной проектности как реализованной утопии.

Кроме того, понимание проекта как атрибута ориентированного в будущее человечества уже со второй половины не вызывает прошлого однозначного энтузиазма. В симметричной оптике проект воспринимается как феномен, лишаящий человека целого спектра возможностей: в будущем не остается ничего, кроме проекта, внедренного в него из прошлого.

3.2

Еще более объемным и многогранным является термин «цивилизационное», как и само понятие «цивилизации» [2]⁵. Здесь также могут срабатывать и, соответственно, подразумеваться:

– фактор времени (появление цивилизации на планете с возможностью ее исчезновения в результате катаклизма либо самоуничтожения; возникновение цивилизации из дикости и варварства, например, через этимологию слов *civis*, *civiliser*, *civil*, цивилизации преמודерна, модерна, постмодерна и пост-постмодерна);

⁵Историко-стадиальные исследования, основанные на технократическом подходе (У. Ростоу, Д. Белл, О. Тоффлер), выделяют следующие цивилизации: аграрную (доиндустриальную), промышленную (индустриальную), информационную (постиндустриальную). В частности, «сельскохозяйственная цивилизация просуществовала на нашей планете в почти неизменном виде тысячи лет, и закат ее начался совсем недавно – лет двести-триста тому назад» [29].

- фактор пространства (от локальных цивилизаций через континентальные и межконтинентальные вплоть до цивилизации планетарной и даже космической, как это обозначено в концепции *антропного принципа Вселенной*);
- фактор спецификации (материальная и духовная цивилизации, техногенное и гуманитарное, научно-техническая и социальная доминанты, базовое отличие цивилизации от культуры и пр.);
- фактор форм и источников существования (цивилизации сосредоточенности и экспансии, производства и перераспределения, генерирующие и ресурсные, автохтонные и паразитарные; сельскохозяйственные (в том числе речные, цивилизации степи и пр.), промышленные, информационные, традиционалистские и техногенные, производящие и сырьевые и т.д., включая конкретные цивилизации риса и маиса, скота и леса, нефти и цифры).

3.3

В проясняющем картировании смыслов нуждается даже термин «российский» применительно к понятию «цивилизационный проект». Это слово также имеет разные оттенки в зависимости от включения в вышеупомянутые контексты:

- российский как условно вневременная, фундаментальная сущность «российскости» или даже «русскости»;
- российское как определение истории конкретного времени и места (с учетом всех возможных эволюций этого места-времени);
- российский как обозначение происхождения и как имя собственное цивилизационного проекта, предлагаемого из России человечеству в качестве социокультурного и морально-этического идеала (со всеми негативными и даже одиозными коннотациями понятий «мягкая сила», «идеологическая экспансия» и пр.).

3.4

В комментариях в данном контексте нуждается даже такой, казалось бы, понятный термин, как «развитие».

Прежде всего приходится иметь в виду, что это один из ключевых терминов идеологии модерна и всего прогрессистского мировоззрения (развитие как несколько более сдержанное выражение прогресса). В этом смысле и в этом мировоззрении термин «развитие» является дежурным, он не промышляется и появляется в такого рода формулировках, по сути дела, автоматически.

Отчасти употребление этого термина может быть инерцией советской философии и идеологии, в которой термин «развитие» был еще более обязательным. В этом смысле все советское по определению должно было нахо-

даться в состоянии бурного (догоняющего и опережающего) развития, в том числе в контекстах глобальной и исторической конкуренции с западной капиталистической альтернативой. Одновременно это было элементом пропагандистской самооценки. В свое время наши занятия общественным сознанием в СССР под руководством Б.А. Грушина привели к наблюдению, что слово «развитие» в заголовках статей, книг и номенклатурных текстов было таким же обязательным, как и ссылки на классиков и программные документы партии. Обычный код лояльности.

В нынешних условиях такой обязательности нет, однако и здесь термин «развитие» подспудно свидетельствует об изначально позитивной установке проекта: «Мать-Россия плохого не посоветует». Тем более нельзя не учитывать и всей обширной постсовременной критики как линейного, кумулятивного прогрессизма, так и самой идеологии «стрелы времени», всей логики бинаризма и бинарных оппозиций, включая старое и новое, высокое и низкое, и пр.

3.5

Далее состав обязательных проекций классического предметно-пространственного проектирования включает в себя стандартный набор отдельных схем: функционального зонирования территории, транспорта и пешеходных коммуникаций, социального обслуживания, зеленых насаждений и рекреации... Смысл подобной раздельной схематизации в том, что каждая из относительно самостоятельных подсистем должна представлять собой законченную, логичную, наконец, просто красивую композицию сама по себе. Когда все делается вперемежку, отследить собственное качество таких подсистем практически невозможно, а их представление задним числом в отдельной схеме часто удивляет неприятными сюрпризами, когда менять что-либо уже поздно: насаждения, дорожки и даже строения есть, а логики и композиции нет. В работе над концептуально-аналитическими мегатемами нечто подобное встречается сплошь и рядом.

Цивилизации и цивилизационные проекты также состоят из целого ряда таких включенных подсистем. Целые зоны возможного тематического расширения обнаруживаются, если включить в анализ набор категорий и сюжетов, очевидно и традиционно связанных с темой цивилизационных проектов: духовной и материальной составляющих цивилизации; идентичности и культуры; политики и идеологии, психоидеологии и национальных идей; стратегического планирования и управления развитием; модернизации и демодернизации, вызова и ответа, выбора и судьбы, витального циклизма – расцвета и упадка, жизни и умирания... Все это составляет еще целый ряд слоев картирования темы в концептуальном, логическом пространстве – цивилизационный проект в разных своих ипостасях, представленный во всех (в максимально широком круге) своих проблемно-теоретических и конкретно-практиче-

ских взаимодействиях и соседствах. Даже контурный набросок таких возможностей показывает, что работа над темой цивилизационных проектов в мировой философии и науке сплошь и рядом ведется весьма активно и продуктивно, но только под другими именами, в других категориях, с другими тегами и под другими названиями. Поэтому такие смежные или, точнее сказать, включенные группы проблем лучше анализировать не только в общей сборке, но и по отдельности: отдельный анализ всегда дает дополнительную глубину.

3. Состав проекта: проблемно-тематические резервы и возможности расширения

И снится нам, что земля снова молода, – молода и нежна [...] как в минувшие дни [...] прежде чем ухищрения размалеванной цивилизации выманили нас из ее любящих объятий, а ядовитые насмешки искусственности внушили нам стыд к простому житью, которое мы вели с ней...

Д.К. Джером. Трое в лодке, не считая собаки

3.1. Культура и цивилизация

Логически здесь есть два основных модуса: различение и взаимодействие. Можно составить целую коллекцию более или менее отличных друг от друга формулировок разграничения цивилизации и культуры: эти позиции известны, и оттачивать дефиниции здесь нет смысла в силу отсутствия универсальных контекстов. В одних ситуациях корректнее одно, в других другое.

Точно так же выстроены концепции функционального, исторического и т.п. взаимодействия цивилизации и культуры. Шпенглер (изобретатель и классик этой темы) видит в цивилизации закат и сумерки культуры, замещение живых и органических форм духовной деятельности массово-уравнительным механизмом, формальной институционализацией и технократией, в том числе социальной. «Цивилизация есть совокупность крайне внешних искусственных состояний, к которым способны люди, достигшие последних стадий развития. Цивилизация есть завершение. Она следует за культурой, как ставшее за становлением, как смерть за жизнью, как окоченение за развитием... Она неотвратимый конец; к ней приходят с глубокой внутренней необходимостью все культуры» [33, с. 33–34]. Но и эти взгляды могут оспариваться и поворачиваться разными гранями. Михаил Эпштейн приводит примеры возникновения культур из цивилизаций: Россия на цивилизационные преобразования Петра ответила в культуре гением Пушкина, а Америка только в прошлом веке сформировала собственную культуру на базе высочайшей цивилизации, созданной в Штатах еще в XIX столетии [34].

Об этом можно читать и писать рефераты, курсовые, диссертации и целые монографии⁶, поэтому тем более настораживает, когда подходы и выводы с большими, даже глобальными, претензиями эту фундаментальнейшую тему легко игнорируют. Более того, когда речь заходит о конкретных цивилизационных проектах с привязкой ко времени и месту, даже эти категориальные разборы часто отходят на второй план, уступая место проблеме позитивного или негативного отношения к цивилизации как таковой.

Еще острее встает вопрос о качестве конкретных цивилизаций в обсуждаемом контексте – в том месте, из которого мы говорим с ответственным пониманием, кто именно говорит и по какому праву он это делает. В итоге оказывается, что это вопрос даже не анализа, а общего мироощущения, мирочувствия и самооценки в диапазоне от некритического самодовольства до переживания общенационального стыда и вины. Включение коллизии цивилизации и культуры в живой отечественный контекст подрывает идиллию и сильно портит нарциссические образы грандиозности и всемогущести цивилизационных притязаний всемирно-исторического масштаба. Тем более что «мягкая сила» и «идеологическая мощь» такого типа чаще всего паразитируют на культурном багаже исключительно прошлых поколений. Экстатические восторги такого рода чаще компенсируют собственное бесплодие, а надрывное отношение к величию прошлого – провалы в настоящем и подозрения в отсутствии будущего.

Заслуживает специального анализа и вопрос о том, случайно ли в наших обсуждениях разграничение цивилизации и культуры сплошь и рядом четко не проводится, а то и вовсе игнорируется. Соответственно, выпадает из поля зрения богатейшая морально-этическая и интеллектуальная традиция, а с ней и целый ряд извечных российских проблем, одновременно фундаментальных и крайне болезненных в режиме простого «взгляда из окна». Сказывается ничем не прикрытая односторонне социокультурная фокусировка едва ли не большинства наших философствований о цивилизации, мало интересующихся экономикой и производствами, институциональной средой, финансовыми потоками, торговыми балансами, знанием и технологиями, источниками существования, «материальной цивилизацией» и т.п., проще говоря – «железом» и другими не столь нежными, как культура, материями. Не случайно несколько неожиданным пророком для этой самодовольной традиции оказывается... сэр Уинстон Черчилль с его пронзительным: «Россия – страна очень высокой культуры, но довольно низкой цивилизации». Это приговор, с которого, по совести, должен бы начинаться всякий очередной цикл бдений о российских цивилизационных проектах. Но чтобы перевести этот афоризм в статус вывода и задачи, нужна целая конструкция и, что труднее всего, радикально нелицеприятное знание о себе. Если довести дело до гротеска, мы

⁶См., в частности, [26].

можем оказаться в положении общности, пытающейся учить человечество высокой цивилизации через пару сравнительно обустроенных дыр – «окон в Европу», но оставляя при этом 30 % собственного населения без газа и 22,6 % без канализации на морозе ниже 30°C⁷.

Эта убийственная статистика резко меняет тон и модальность входа в российский цивилизационный проект, извечной проблемой которого является конфликт столичной иллюминации и витрин с руинированными, местами просто загаженными задворками. Да и сами эти «окна» с уровня имперского или просто столичного градостроительства все более сползают в банальный декор «обустройства». Страна контрастов... Либо мы признаем в одной расколотой цивилизации фундаментальный конфликт как минимум двух существенно, принципиально разных по качеству цивилизаций *локальности второго уровня*, либо продолжаем приставать ко всем со своей всемирной отзывчивостью, даже не задумываясь о вопиющей дикости условий повседневной жизни большей части населения «великой страны». Можно сколько угодно доказывать, что в истории России была как минимум не одна цивилизация, но ничуть не менее острой является проблема фатального разлома российской культуры и цивилизации даже не в истории, а именно в «пространстве цивилизованности» – здесь и сейчас, в этой вопиюще конфликтной, разорванной синхронии.

Далее остается выбор. Либо российская цивилизация опознается по состоянию и политическим катаклизмам столиц, а на остальное высокая философия закрывает глаза, либо, наоборот, размышление начинается с особого рода аналитического дауншифтинга, с самого цивилизационно непосредственного. И тогда даже в пародийно-ироничных проектах пресловутой национальной идеи начинают появляться не столь уже бессмысленные лозунги в духе: «Поправь забор!». Хотя заранее можно представить себе, насколько это трудно для философии, привыкшей заниматься нашей высокой духовностью так, чтобы этому никак не мешали миазмы российской недоцивилизации.

3.2. Идентичность

Возможности одновременного углубления и расширения темы также хорошо видны на проблеме *идентичности*. В разработках, связанных с данной категорией, часто вообще не упоминаются слова «цивилизация», «проект» и т.п. при этом здесь могут раскрываться – и, как правило, раскры-

⁷«В основном без канализации живут люди в селах: об отсутствии этого вида удобств сообщили социологам 66,5 % россиян, которые проживают в сельской местности. Росстат подсчитал, что с выгребными ямами сегодня живут 48,1 % семей в селах, а более 18 % жителей села не имеют канализации вообще. В отдельном строении или дворовой постройке имеют туалет 38,2 % сельских жителей и 4,7 % городских» (см. материал РБК на эту тему: [30]).

ваются! – важнейшие сюжеты и выводы, касающиеся цивилизационных проектов вообще и российского проекта в частности. Прежде чем проектировать что-то, а тем более себя, надо ответить на «простые» вопросы: кто ты, что ты о себе знаешь и думаешь, каким ты себя видишь в идеале и в более или менее реальном будущем? При этом идентичность (за исключением кладбищенской) ничуть не менее открыта и изменчива, чем проект, а часто бывает даже более динамичной, по сравнению с окостеневающей идеологической, политической и институциональной проектностью. Советский режим был обречен с момента, когда сам этот проект начал фатально отставать от спонтанно изменяющейся идентичности социума. Однако приходится признать, что популярная в нашем профессиональном сообществе философия идентичности, переписывая из книги в книгу общие места про «образ другого» и пр., не так часто снисходит до культурологической, социологической, а тем более лингвистической и филологической конкретики, до проблем с идентичностью не в теории, а в реальном сознании, не вообще, а в России, здесь и сейчас.

В книге «Российская идентичность и вызов модернизации» [23] была в том числе предпринята попытка разобраться с актуальной российской идентичностью по стандартной форме, точнее по формуляру – как если бы страна оказалась «в кадрах» перед необходимостью заполнить «объективу», последовательно отвечая на вопросы о своих именах, дате и месте рождения, родителях (отцах-основателях) и ближайших родственниках, социальном и экономическом положении и т.д. и т.п., включая награды и взыскания (исторические самооценки).

Проблемы начинаются с имени: спортивные комментаторы, свободно пользующиеся выражениями «канадцы забили гол» или «немцы перешли к обороне», вынуждены пользоваться эвфемизмами типа «наши спортсмены», даже на пьедесталах почему-то не именуя их дорогими россиянами. В самой невозможности придумать даже для таких случаев естественное и общепонятное имя скрывается куда более серьезная проблема, до сих пор описанная лишь в первом приближении.

То же самое с официальным или хотя бы конвенциональным определением места и времени рождения данного государства. Если с большой историей и ее этапами все более или менее понятно, хотя даже, например, в отношении петровских преобразований позиции могут быть очень разными, то в отношении государства, в котором мы сейчас живем, беловежский эпизод, формально являющийся местом и временем рождения новой страны, как таковой не воспринимается и даже вытесняется идеологией в режиме психической защиты. Отсюда такое количество попыток учредить общегосударственные праздники – одинаково искусственные и неудачные.

Об отцах-основателях в российской истории позиции также расходятся, причем часто кардинально. В принципе такие расхождения вполне возможны и часто встречаются, но проблемой оказывается тот факт, что в мнении общества вообще отсутствуют безусловно интегрирующие личности или хотя бы образы. Причем эти разночтения в равной мере проявляются как в социально-политическом пространстве, так и во времени, тасующем героев порой просто с неприличной непринужденностью.

Что касается наград и взысканий вплоть до судимостей, то и здесь расхождения в оценках трудно считать нормальными хотя бы в первом приближении. Это видно по ключевым эпизодам даже без специальной компаративистики. Вся история освободительного движения в России с ее ярчайшими моментами вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции буквально за последние годы претерпела глубинную переоценку, а всемирно-историческое значение ВОСР оказалось практически сведено к нулю заодно с самой памятью об этом величайшем перевороте. Сама фигура Ленина практически исчезла из официальной историографии, уступив место Сталину, едва ли не подлежащему реабилитации вкупе со всеми деяниями личными и его времени.

И так далее – практически по всем пунктам подобного самоанкетирования. В итоге выясняется, что после развала СССР у Российской Федерации проблемы с заполнением «анкеты идентичности» только усугубляются, в ряде отношений – многократно. Сложный вопрос: что в цивилизационном отношении представляет собой здесь и сейчас это образование, предлагающее всему миру идеал цивилизационного развития?

3.3. Политика и выбор, идеология и идеи

Любые выступления на тему цивилизационного выбора, так или иначе привязанные к конкретной ситуации, нуждаются в специальной рефлексии, касающейся жанровой, идеологической и собственно политической принадлежности такого рода текстов. Обсуждение этих тем в узких кругах может выглядеть сколь угодно академичным и даже быть таковым, однако практически всякое произнесенное здесь слово вольно или невольно, но неизбежно попадает в ситуацию идейно-политической борьбы или как минимум регулярной идеологической работы.

В этом решительно нет ничего нового. В свое время точно так использовались даже открытия иных, неевропейских цивилизаций. «Вслед за утопистами пришли светила Просвещения, Вико, Монтескье, Вольтер и Руссо, которые все больше и больше эксплуатировали “реальную” не Европу как огневое прикрытие своих подрывных сочинений, направленных против тогдашних европейских социальных и политических институтов. В результате появилась возможность мыслить Европу как всего лишь одну из множества цивилизаций, причем не обязательно избранную или лучшую» [1]. Проблема в том, что ци-

визационные проекты и все, что с ними связано, относятся к разряду «самонаводящихся» политических вооружений. Они выстреливают в заданном направлении независимо от воли авторов концепций, даже не думавших ввязываться в какую-либо идеологию и политику. И, кстати, при желании здесь вовсе не трудно предугадать, как наше слово отзовется.

Но, с другой стороны, в этом взаимодействии есть и активная составляющая. Цивилизационный дискурс позволяет отчасти компенсировать отсутствие собственно политического языка, достаточно приемлемого и общезначимого. Разговоры про цивилизационную традицию, проект и выбор позволяют политикам и власти высказывать идеи и целые программы, которые нельзя озвучить в действующем политическом языке, не вступая в резкий конфликт с нормами действующей конституции и все еще остающимися правилами идеологических приличий⁸. Примерно в таком же положении оказывается и история, превращающаяся в своего рода гигантскую политическую метафору, рисующую в образах прошлого тщательно оберегаемые образы будущего, выступать с которыми напрямую пока не получается⁹. Если пока еще неловко открыто мечтать о репрессивных диктатурах, особо желающие могут заниматься методичной реабилитацией наиболее выдающихся тиранов, злокачественных нарциссов и просто садистов.

Тем более было бы некорректно делать вид, что отечественная философия от всех этих идеологических контекстов изолирована в «башне из слоновой кости» уже своей академической принадлежностью. Такая лишенная рефлексии позиция выглядела бы сейчас как минимум несовременной, а тем более не постсовременной, особенно для философских тем, буквально пропитанных идеологическими контекстами. Все это философствование якобы в себе и для себя давно стало архаикой – уже после марксовской критики идеологии.

Отсюда отдельная аналитическая задача – реконструкция современных и вполне конкретных политических проектов, маскируемых даже в предельно обобщенных программах цивилизационного развития. Эти образы будущего могут быть скрытыми метафорами здесь и сейчас искомой политики – точно так же, как такими гигантскими метафорами сплошь и рядом оказываются исторические и историософские конструкции. Все это – единственный способ выразить то, что высказать прямо пока не получается в силу целого ряда причин.

⁸См. [26; 25].

⁹См. доклад «Какое прошлое нужно будущему России», подготовленный при поддержке Комитета гражданских инициатив на базе Вольного исторического общества (основные авторы: Александр Рубцов, Андрей Колесников и Василий Жарков) [6]. Там же размещены краткая и полная версии доклада, его презентация и материалы большого социологического исследования с данными серии глубинных интервью и анализом зарубежных исследований по теме (основные авторы: Григорий Юдин и Дарья Хлевнюк).

3.4. Вызов цивилизации. Сырьевая модель, ресурсный социум и проблема выживания

Ситуация *вызова* – отдельное состояние для цивилизаций. Долгое время в течение сравнительно регулярной жизни никакого вызова может просто не быть, но, однажды возникая, он может становиться и предельно настоящим. Здесь возможны разные измерения: вызов может быть брошен цивилизации в планетарном и космическом измерениях – как угроза существованию цивилизации на планете и даже в космосе (в контексте антропного принципа Вселенной), но может ставить перед жестким выбором и любую конкретную цивилизацию из локальных. В любом случае осмысленный и актуализированный цивилизационный проект, прежде всего, и должен быть именно ответом на вызов.

В настоящее время глобальный вызов при желании можно увидеть в проблеме сосуществования цивилизаций (отнюдь не только по Хантингтону), но и тогда в прояснении нуждается ряд моментов:

1. В чем именно заключается этот вызов и как на него уже реагируют глобальная цивилизация и локальные цивилизации, имея в виду, что этот вызов далеко не нов и что в ответе на него многое в мире уже достигнуто, в том числе и без российских инструкций?

2. Как на этот вызов в мире и в России реагируют а) политика и б) философия? Как соотносятся между собой философская, идеологическая и политическая реакции на данный вызов?

3. Достаточно ли мы внимательны и критичны к ситуациям, когда отечественная философия недооценивает и едва ли не игнорирует сделанное в этом плане мировой философией, а в «полемике на поражение» в качестве оппонента выставляет себе вульгаризацию устаревшей политики, не озадачиваясь к тому же геостратегическими проблемами сугубо российского происхождения?

Вызов цивилизации может иметь прямое и непосредственное отношение к философии, а может и не иметь. Тем не менее философия обязана реагировать на любой цивилизационный вызов, независимо от степени его внешней и формальной философичности. Скорее наоборот, истинно философский уровень как раз и определяется тем, насколько актуальное философствование в состоянии выйти за свои узко понимаемые профессиональные пределы.

Именно поэтому здесь также бывает уместно прибегнуть к нефилософским авторитетам, нередко посрамляющим профессиональную философию пронзительными суждениями именно мировоззренческого свойства. Сэра Уинстона Черчилля с его нелицеприятным разделением уровней нашей культуры и цивилизованности здесь превосходит разве что президент РФ. Еще в 2012 г. на расширенном президиуме Госсовета, посвященном национальным целям и стратегическим задачам, Владимир Путин заявил:

«...Пока не удалось уйти от инерционного энергосырьевого сценария <...> Это неизбежно ведет к росту зависимости России от импорта товаров и технологий, к закреплению за нами роли сырьевого придатка <...> Следуя этому сценарию, мы <...> не сможем обеспечить ни безопасность страны, ни ее нормального развития, *подвергнем угрозе само ее существования*... (курсив мой. – А.Р.)»¹⁰. И добавил: «Говорю это без всякого преувеличения». При этом надо понимать, что здесь мы имеем риторическое завершение целой программы, которой в кои-то веки удалось консолидировать специализированное на теме экспертное сообщество и вменяемую, ответственную часть политического класса¹¹.

Концептуальное, а в итоге и собственно философское возвышение данной темы шло поступательно, с постепенным пониманием, что проблема не сводится к технологиям, но предполагает кардинальную трансформацию экономики, социальной сферы, политики, идеологии, а в конечном счете и самих архетипов сознания, характеризующих сырьевые модели и ресурсный социум от эпохи льна, леса, меда и пеньки до периода взлета и падения относительно модернизированного нефтегазового комплекса. Цивилизационная проблема заключается в необходимости преодоления мощных инерций ресурсного социума, веками воспроизводящего фундаментальную схему Ключевского: «Государство крепло, а народ хирел».

Более того, проблема этого именно цивилизационного вызова, брошенного историей российской цивилизации как вековому инварианту, усугубляется целым рядом привходящих обстоятельств:

– сырьевое проклятье со временем поражает и прочие, несырьевые сферы (в сырьевые отрасли и производства низких переделов превращаются даже наука и образование, даже производство мозгов и знаний, тоже экспортируемых в виде сырья, но, в отличие от нефти, практически задаром);

– сырьевое проклятье переходит в проклятье институциональное, вследствие чего институциональные реформы превращаются в подлинную войну за государство, в которой партия сырьевой модели будет побеждать вплоть до момента обрушения сырьевой экономики, когда несырьевая альтернатива в одночасье потребуется в полном объеме и в готовом виде;

– независимо от оставшегося ресурса времени, зоны принятия решений и точки невозврата страна проходит уже сейчас, и вполне возможно, что точки невозврата уже пройдены.

¹⁰См. [15].

¹¹В почти равной мере это относится к официальной Стратегии 2020 и к стратегическим проектам Института современного развития – ИНСОП [13; 14; 17], не говоря об индивидуальных разработках [28; 27].

Было бы ошибкой думать, что подобные коллизии являются порождением нашего времени. Новейшие исследования цивилизации майса показывают, что данная цивилизация исчезла одновременно с истощением источников существования под влиянием неоднократной засухи. В этом контексте есть достаточно оснований говорить о специфических (и при этом весьма разнообразных) реалиях так называемых *нефтедобывающих цивилизаций*. Не надо напоминать, какое влияние на падение советской цивилизации оказало обесценивание нефти. Не исключено, что резкое ускромнение попыток решить проблему сырьевой модели в наше время связано с подзрением, что фатальные изменения и сейчас уже необратимы. Эпидемия коронавируса может оказаться в этом отношении лишь дополнительным катализатором. Если же говорить о цивилизационных аспектах сырьевых (шире – ресурсных) моделей, то надо иметь в виду, что это вполне заслуженная сфера исследований, для нашей философии, правда, почти закрытая гипертрофией увлечения политикой, идеологией и духовностью, но не проблемами жизнеобеспечения. В качестве сильного примера таких исследований может служить новая книга Александра Эткинда «Природа зла. Сырье и государство» [35]. См. также, в частности [22].

3.5. Российский цивилизационный проект на «движущейся платформе» цивилизаций модерна и постмодерна

Российский проект в принципе невозможно рассматривать вне коллизии модерна и постмодерна по целому ряду оснований. С известными и не самыми существенными оговорками модерн, как и постмодерн, является именно отдельной и достаточно определенной цивилизацией. Более того, этот цивилизационный слом создает ситуацию движущейся платформы, на которой разыгрываются практически все базовые коллизии более локальных ситуаций нашего времени.

Переоценка ценностей, основанная на критике катастроф высокого модерна и породившая собственно постсовременную альтернативу, во многом была связана с ужасающим опытом двух тоталитарных колоссов – немецкого и российского. Речь идет об идеях и реализациях тотальных проектов, изначально бывших идеалом всего Нового времени, пока воплощение этих идеалов не показало, что жить в макетах, реализованных в натуральную величину, невозможно, независимо от качества этой градостроительной, политической и идеологической архитектуры.

Фундаментальная и именно цивилизационная проблема нынешней России как раз и заключается в столкновении незавершенного позитива модерна с экстремальным политическим постмодернизмом, последовательно разрушающим принципы порядка, денотации и адекватности смысла и заменяющим все это совершенно отвязанной эклектикой и «онтологической» безответственностью.

Основные принципы этой концепции в сжатом виде представлены в цикле публикаций автора об «Архитектонике постмодерна» в журнале «Вопросы философии» [18; 19; 20], в недавней статье «Миллениалы эпохи postmodern» в журнале «Человек» [21] и др.

4. Порядок из хаоса. Хаос из порядка

4.1

Такого рода систематическое картирование проблемного поля можно и нужно было бы продолжить. Отдельный слой – типология и география цивилизаций, система взаимоотношений данного проекта с другими цивилизационными образованиями в классификациях, в истории и в мире. Здесь также проявляется множество параметров: моменты притяжения и отталкивания, аналогии и противопоставления...

Уже в обычной географии совмещение методом накладки, например, политической и физической карт мира дает новое знание: такие визуализации показывают, каким образом природа своими естественными рубежами, ландшафтом и климатом, полезными ископаемыми и другими ресурсами участвует в формировании межгосударственных границ и отношений. Такие тематические наслоения в изучении проектов цивилизационного развития также имеют более одного слоя картирования.

В свою очередь, все эти слои нанизаны на отдельную иерархию размерности (иерархию масштабов цивилизаций), что дает дополнительные измерения в общей объемной комбинаторике. Эти масштабы также могут быть по-разному актуализированы. Так, глобальный коронакризис буквально на глазах все более легализует употребление термина «цивилизация» именно в планетарном масштабе¹². И философия, конечно же, не вправе не реагировать на такие изменения в составе общеупотребимых слов и смыслов, постепенно становящихся общезначимыми.

Вместе с тем не менее, а возможно, и более продуктивным в наше время может оказаться движение к противоположному полюсу – к мини- и микромасштабам, когда цивилизация начинает пониматься не как отдельный окантованный объект, существующий как самодостаточное и полноценное целое в так или иначе означенных границах, а как составляющая, которая может быть вплетена в более общие интегральные цивилизационные образования. В этом смысле Россия может быть одновременно и разделена на

¹²Важно даже не то, что произносится однажды, а как это расходится: [9; 10; 11; 36]. Список таких заголовков легко увеличивается в несколько раз. В том же духе Владимир Путин высказался 23.12.2020 на встрече с членами Правительства РФ.

ряд резко конфликтующих цивилизаций внутри себя, и распределена как разделенная цивилизация в мире. В этом отношении нечто подобное может происходить и с другими цивилизациями. Не исключено, что отнюдь не только искусство заголовка подвигает авторов писать тексты с такими лихими названиями: «Исламский цивилизационный проект: то, чего нет»¹³.

Ко всей этой и без того трехмерной модели можно добавить еще и четвертое, временное, темпоральное измерение. И тогда мы получим основу для сильной комбинаторики, помогающей отслеживать самые разные аспекты цивилизационного процессинга и проектирования. Чем-то это напоминает Борхеса или великую «машину Луллия»: простой механический перебор сочетаний слов должен в потенциале спродуцировать и все возможные литературные и научные произведения, которые только вообще могут быть когда-либо и кем-либо написаны. Однако все эти почти линнеевские классификации в случае с цивилизационными проектами имеют исключительно эвристический, я бы даже сказал, вспомогательный смысл. Работа с реальными, живыми объектами в этом духе неизбежно приводит к редукции, быстро переходящей в ригидность. Наука превращается в бесконечные споры о словах и в выяснение правоты позиций, которые вообще находятся вне альтернатив правильного и ошибочного. Сама специфика объекта здесь требует перехода от традиционной систематики к существенно иным парадигмам, во многом характерным для постмодерна и даже постмодернизма.

¹³«Само понятие “исламский мир” довольно расплывчатое. Оно может обозначать как всех мусульман мира, так и совокупность стран, большинство населения которых исповедует ислам. Однако традиционно термин “исламский мир” используется в контексте теории локальных цивилизаций как обозначение одной из них.

Проблема в том, что сама теория локальных цивилизаций не слишком хорошо обоснована. Интуитивно мы понимаем, что имеется в виду под конкретными цивилизациями и где проходят их границы, но рационально объяснить, с чего мы это взяли, более-менее внятно не получается. Еще русско-американский “отец социологии” Питирим Сорокин обращал на это внимание. Например, к числу локальных цивилизаций традиционно причисляют европейскую, китайскую и ту же исламскую, но при этом Европа – это географическое понятие, Китай – политическое, а ислам – религиозное. Есть ли между выделяемыми по столь разным признакам социальными группами что-либо общее? Далеко не все территории, где живут мусульмане, могут рассматриваться как бесспорные части единой культурной, цивилизационной, тем более политической целостности с общей проектностью. Например, мощнейший населенный мусульманами регион расположен в Южной Азии – он тянется от Пакистана через исламскую часть Индии в Бангладеш (бывший восточный Пакистан), но является ли это все частью исламского мира как локальной цивилизации? Далеко не факт. Дело в том, что Пакистан – исторически есть часть Индии. И это не просто “окраина”, подпавшая под инокультурное (исламское) влияние. Это – важнейшая часть индийской локальной цивилизации (а в том, что Индия представляет из себя таковую, сомневаться не приходится в любом случае)» [8].

4.2.

Трудно найти примеры более разнородного, внутренне противоречивого и нестроого, даже хаотичного словоупотребления, чем в дискурсе о цивилизации. Не зря часто так резко и в целом адекватно реагируют на эту откровенно запутывающую и слишком нестандартную ситуацию – и это только если иметь в виду собственно научную сферу. Однако философский анализ обязан учитывать всю совокупность языков, в которых так или иначе представлен дискурс о цивилизации. Это языки собственно философии, научной теории и истории, этнологии и этнографии, культурологии и политологии, исследований в области идеологии и пропаганды, техносферы и экологии, международных отношений и общей глобалистики... А главное, это еще и язык практики, живого интеллектуального общения и прямая политическая речь, начиная с бесконечного множества интереснейших бытовых суждений и заканчивая высказываниями духовных вождей, лидеров движений и представителей высшего политического руководства. Надо лишь выйти из заповедника внутренней переписки между коллегами-профессионалами и замкнутого круга привычного письма и чтения. Как только начинаешь собирать такого рода коллекции, тут же выясняется, что во всем этом массиве высказываний плотность полисемии, разночтений, противоречий и контрарных оценок выглядит просто катастрофической. Будто люди на разных языках говорят об одном и том же, или, наоборот, на одном языке говорят о разных вещах, совершенно этого не замечая.

И вместе с тем приходится признать, что это не тот случай, когда в дискурс о цивилизации можно радикально внести сколько-нибудь приемлемый (в традиционном смысле) порядок, а тем более отказаться от самого этого слова и связанного с ним вокабулярия, какая бы путаница при этом ни возникала.

Скорее наоборот, само это внешне не организованное множество употреблений одного и того же слова порой в совершенно разных объемах, аспектах, оценках и даже смыслах есть одновременно и данность речи, и свойство самого предмета. Соответственно, это же относится к связанным суждениям и высказываниям, причем как в теоретическом и историческом дискурсах о цивилизации, так и в соответствующей этнонауке, в обыденном знании. Бороться с этим бесполезно – это надо принять как уникальный дар и исследовать с благодарностью. Не каждой науке в качестве объекта выпадает такая захватывающая «природа».

Привычная логика, обыденная и научная, всегда хочет порядка, но в данном случае вынуждена приходить к нему через не вполне осознанную редукцию. Если исследовать корпус словарных статей и даже большинства основополагающих работ о цивилизации и цивилизациях, о цивилизационных процессах, проектах и т.п., то окажется, что в каждом из этих текстов по отдельности царит своя упорядоченность и правильность, достигаемая...

изоляция от всего, что мешает схеме. Хаотизм возникает при введении этих текстов в единый внутренне взаимосвязанный корпус. Если же эти тексты деконструировать до уровня молекулярных, а затем и атомарных высказываний и суждений, то этот хаотизм, во-первых, окажется на порядок большим, чем это видится даже в самых отчаянных оценках, а, во-вторых, очевидно непреодолимым без серьезных потерь, возможно даже изменяющих самой природе объекта.

И, наоборот, если каждое из таких словоупотреблений трактовать как одно из «лиц» слова «цивилизация», то это тот самый случай, когда речь по определению идет о «неопределенном круге лиц». При этом сразу лучше исходить из того, что каждое такое «лицо» имеет право на существование и в задачу аналитика входит не полицейская функция контроля, а тем более ограничения таких прав, но самостоятельное, инициативное и именно адвокативное изыскание таких прав в интересах лица и в презумпции их априорного наличия. Речь идет не об избирательно прореживающей, а именно о понимающей аналитике (спасибо Эмилю Дюркгейму с его «понижающей социологией»)¹⁴.

4.3.

Однако сама эта задача – увидеть во всем этом хаосе россыпь, а не мусор – нуждается в теоретическом осмыслении и построении неклассической методологии анализа. Не исключено даже, что речь идет о выборе на уровне философской парадигмы: есть подозрение, что не всякая философия в силах справиться с подобными мерцающими множествами просто по определению, в силу принадлежности к иной интеллектуальной среде, к иному миру представлений и реалий.

¹⁴Внутренняя полемика (а часто и вовсе ее имитация) по поводу «правильных» смыслов и понятийных свойств в дискурсе о цивилизации в таких случаях часто оказывается не только ничего не дающей, но именно контрпродуктивной. Искусственно создается видимость проблемного напряжения и движения мысли там, где его на самом деле нет. В результате сколь угодно эффектные фактурные построения современных авторов оказываются не более чем навязчивым доказательством позиций, с которыми в здравом уме никто и так не стал бы спорить. При этом срабатывает достаточно простой проверочный тест. Надо всего лишь убрать из предмета полемики имена собственных критикуемых авторов и их концепций и на освободившемся месте реконструировать объект критики только на основании доводов самого инициатора конфликта – как прямое зазеркалье критики. Сплошь и рядом в таких случаях оказывается, что победа в споре достигается тем, что авторитетнейшие теории низводятся до уровня ригидных тезисов, которым и в самом деле впору отказать в простом человеческом разумении. Как и их заслуженным авторам. Это, конечно, льстит самомнению отважных полемистов, но не более того.

Кстати, прием не случайно напоминает сталинскую манеру с постоянными вводными оборотами типа: «нас тут спрашивают...», «некоторые товарищи считают...», «как отнестись к...». Эти подводки выполняют важную функцию: без них простое изложение контента выглядело бы немотивированным представлением благочестивых, но мало кого интересующих банальностей.

«Обтряхающая» редукция всегда соответствует поискам сущности. Поэтому и оппонента, как правило, здесь опровергают одним ударом, какие бы фундаментальные исследования за его тезисом ни стояли. Отсюда все те же претензии написать сводное каноническое определение – дать единственно верную и полную дефиницию цивилизации. Отсюда такие же судьбоносные развилки: подвержены цивилизации изменениям или нет, сколько цивилизаций было в истории России – две или одна?

Постсовременное состояние дискурса о цивилизации, возможно, располагает к столь же неклассическим парадигмам, например, в духе постсовременного прагматизма Ричарда Рорти, в особенности к его классическому пониманию фундаментальной иронии. «Метафизики верят, что во внешнем мире имеются реальные сущности, раскрывать которые наш долг, да и сами сущности расположены к тому, чтобы их открывали» [16, с. 106]. «Ироник же, наоборот, является номиналистом и историцистом» [Там же, с. 105].

С этой точки зрения все множество предметов, аспектов, суждений и оценок, которое мы получаем в результате предыдущего объемного картирования, представляется скорее массой, применительно к которой и в самом деле не работают оппозиции правильного и неправильного, высокого и низкого, главного и второстепенного, центрального и периферийного, маргинального. Скорее, все это в целом более напоминает ризому Делеза и Гваттари, по конструкции несводимую не только к ячеистым решеткам, но и к древовидным, иерархически ветвящимся организованностям. Номиналист и историцист не пытаются навязать этой ризоме тот или иной правильный схематизм, но делают на ней какие угодно срезы, каждый раз открывающие новые смысловые композиции – своего рода концептуальные маршруты. Цивилизация риса только кажется чем-то имеющим мало отношения к традиционной, а тем более к современной России. Однако грамотный срез показывает, что дикая жара и безумная скученность населения в этой цивилизации, к которой и сейчас относится более двух третей населения Земли, автоматически воспроизводят точно те же фигуры социальности, которые в соответствии с заслуженной аналитической традицией в России считаются следствием холодного климата и фатальной разреженности населения на большей части территории страны. Ключевский со своим сакраментальным «Государство крепко...» был бы и здесь более чем уместен, и я не удивился бы, если бы поговорка «Бабы новых нарожают» оказалась еще и китайской.

Смысл такой маршрутизации заключается также в том, что она позволяет осмысленно выбирать те или иные наиболее значимые акценты. Для одних цивилизаций (или в конкретных ситуациях) принципиально важной оказывается проблема собирания или утраты идентичности, а также территориальной интеграции, дезинтеграции и реинтеграции. В других случаях

проблемы могут обостряться в связи с разрушением господствующей идеологии и самой идеократии, а соответственно – и с дезориентацией сознания общества. Особые случаи составляют вышеописанные ситуации цивилизационного вызова и выбора, внутреннего или внешнего.

Здесь же важно оценить саму возможность определения удельных весов и акцентов таких факторов в исследовании цивилизационных проектов. Одно дело, когда цивилизация в целом и конкретные цивилизации буквально бесятся с жиру, деградируя духовно и морально, и совсем другое – когда страны, упиваясь мифами своей якобы неповторимой духовности, на глазах распадаются как материальные цивилизации, едва ли не полностью импортируя всю свою технико-технологическую «современность». Истории известны случаи, когда цивилизации оставались практически без источников пропитания и средства существования, и эта всемирная история еще не кончилась – пусть в не столь буквальных версиях. Логика упадка и гибели – цивилизационная эсхатология – теоретически исследована явно недостаточно, особенно в отношении современности и перспективы. На это с особой силой обращает внимание разразившийся именно в наше время коронакризис.

Также здесь важны и продуктивны совпадения типологии цивилизаций, их географии и даже «социологии идей». Если допустить, что СССР (плюс частично соцлагерь и мировое освободительное движение) географически и исторически, пространственно и темпорально был одной из локальных цивилизаций, то окажется, что для одних стран и целых цивилизационных ареалов он был источником идей, идеологии и образцом ее лидирующего воплощения, а для других – одновременно военно-стратегическим соперником, конкурентом в области вооружений, высоких военных технологий и... все той же «страной-бензоколонкой». Перебирая такого рода крайне разнообразные комбинации, мы периодически оказываемся в положении пользователя игрового автомата, в котором с известной логикой и частотностью выпадают одновременно два, три, а то и все четыре играющих знака.

Особенно это значимо при переходе к максимальной локальности, фрактальными единицами которой являются даже не отдельные страны и государства, а наблюдаемые в них элементы, включения самоподобия или заимствования. В этом плане Россия есть одновременно: 1) часть мировой цивилизации, 2) редчайший случай цивилизации, располагающей ресурсом уничтожения цивилизации на планете Земля, 3) достаточно определенная локальная (одна из локальных) цивилизация, 4) образование, пережившее в своей истории смену достаточно самостоятельных цивилизаций, 5) особого рода более или менее эклектическая сборка отдельных цивилизационных фрагментов, вкраплений и переплетений. Если сменить оптику и сделать фокус существенно короче, то окажется, что и Российская империя, и СССР, и постсоветская Россия – все это еще и сростки существенно разных сверх-

локальных цивилизаций. Считать одной цивилизацией Советскую Прибалтику и республики Средней Азии можно было лишь с очень большими поправками, оговорками и уточнениями.

4.4

Тем более усложняется картина при подключении четвертого измерения (причем это именно отдельное темпоральное измерение всей модели, поскольку фактор времени в узком смысле по-разному реализуется в истории на разных этапах становления).

В качестве примера можно привести один только сюжет переплетения смыслов в понимании цивилизации как процесса и как состояния в наложении на множественность вызовов и ответов, касающихся локальных цивилизационных образований в рамках одной интегральной цивилизации.

Все сочинения на тему цивилизации, не слишком далеко выходящие за круг представлений Википедии, начинаются с утверждения, что изначально понятие цивилизации употреблялось именно как обозначение процесса цивилизации и лишь в XX в. более укоренилось в картине синхронного сосуществования ряда локальных цивилизаций. Это по-своему логично в той мере, в какой на определенном этапе то, что уже тогда именовало себя цивилизаций, само переживало стадию активного цивилизационного прогресса. Далее процесс цивилизации выражается в распространении основ и благ цивилизации как таковой на нецивилизованную или недостаточно цивилизованную часть человечества. И лишь затем термин «цивилизация» начинает употребляться в основном как существительное, и, как правило, во множественном числе. Такова почти каноническая схема¹⁵.

Однако более короткофокусная наводка открывает несколько другие хроники и хронологии. Все начиналось гораздо раньше: «На протяжении XVI столетия «открытие Европой великих цивилизаций, известных до той поры лишь по смутным слухам (в Китае, Японии, Юго-Восточной Азии и на Индийском субконтиненте) или даже вовсе неизвестных (ацтекской Мексики и инкской Перу), внушало идею о неисчерпаемом человеческом многообразии. Большинство этих цивилизаций развивались совершенно независимо от известной истории Европы, христианского мира, Античности и, по сути дела, человека: их генеалогии лежали в стороне от Рая и не впи-

¹⁵«Утопия» Мора, появившаяся в 1516 г., преподносилась как рассказ одного моряка, принимавшего участие в экспедиции Америго Веспуччи в Америку 1497–1498 гг., которого автору якобы довелось встретить в Антверпене. Новизна «Новой Атлантиды» Фрэнсиса Бэкона (1626), возможно, состояла главным образом в том, что он расположил ее в Тихом океане. Великолепный остров Гуингнм Свифта (1726) появился вместе с фиктивной картой его местоположения в Южной Атлантике. (Смысл этих расположений, возможно, станет еще более ясным, если учесть, насколько немисливо было бы поместить на какую-либо карту, поддельную или настоящую, платоновскую «Республику».)

сывались в него. (Лишь гомогенное, пустое время могло стать их вместителем.) О влиянии этих открытий можно получить представление по своеобразным географиям воображаемых государств той эпохи¹⁶.

Все эти лукавые утопии, смоделированные по образцу реальных открытий, изображаются не как потерянный Рай, а как тогдашние современные общества. Можно утверждать, что таковыми они и должны были быть, поскольку сочинялись как критики тогдашних обществ, а названные открытия положили конец необходимости искать модели в давно минувшей древности» [1]. При желании в этом можно увидеть даже первые подходы не только к логике локальных цивилизаций, но и к тому, что впоследствии стало называться постколониальным и даже постсовременным¹⁷.

Особый интерес (в том числе именно для России) представляют случаи синхронного темпорального расслоения, когда цивилизация пребывает в разных временах сразу. «Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010)», разработанный отделом по исследованию стратегии модернизации Китая Китайской академии наук, полный сухих формализмов и econometrics, начинается с философического и одновременно эпически-лирического полотна: четыре течения великой Янцзы от Тибета до океана соответствуют четырем стадиям эволюции – здесь и сейчас последовательно наблюдаются примитивные общества, аграрные, индустриальные и постиндустриальные (история, отлившаяся в географию)¹⁸. При этом стратегии модернизации Китая строят модели с временным горизонтом до конца этого века... Становится неловко за наши стратегии 2020, почему-то называвшиеся среднесрочными и засоренные мелочами при дефиците стратегического видения. К тому же китайцы исследуют свою модернизацию не «в среднем по госпиталю», но с учетом региональных различий и асинхронности. Если свои же российские общие показатели мы сможем и дальше заимствовать у трудолюбивого соседа (хотя бы и с коррективами), то философию модернизации и ее региональную стратификацию за нас не сделает никто.

4.5

И, наконец, особая аксиология проблемы – вопрос о положительных и отрицательных интегральных оценках самого явления цивилизации, причем не в профессиональной научной и философической аналитике, а именно в этнонауке и сознании общества, в обыденном словоупотреблении. Так, можно сделать далеко идущие выводы об отношении к цивилизации из следующего

¹⁶См. [2, с. 386–396].

¹⁷Ср. Рубцов А.В. Всемирная отзывчивость как предтеча русского постмодерна / Доклад на VII Конференции философов Востока и Запада, январь 1995, Гонолулу, США (The Seventh East-West Philosophers' Conference («Justice and Democracy»)).

¹⁸См. [12]. См. также [23].

уже почти держурного заявления: «Вся европейская цивилизация эволюционировала на нравственных принципах христианства. Коммунистическая идеология тоже восприняла их, взяв многое из Нового Завета» (патриарх Алексий II). Здесь нет и тени настороженности в отношении к явлению цивилизации вообще и к явлению европейской цивилизации в частности – и это идеологическая и общеполитическая позиция РПЦ прошлого издания!

В повседневной речи и письме нередко легко уживаются и прямо противоположные оценки. Из воспоминаний великого князя Александра Михайловича:

«Я написал эту книгу, не преследуя никаких политических целей и никаких общественных задач. Просто в соответствии с пережитым я захотел рассказать, что память сохранила, а главное, отметить этапы того пути, который привел меня к мысли, что единственное ценное в нашей жизни – это работа духа и освобождение живительных сил нашей души от всех пут материальной цивилизации и ложных идеалов (Париж, Июнь 1932 г.)... Народы западной цивилизации именно и являются печальными пришельцами, но там, на нецивилизованном востоке, никто еще не утратил надежду на лучшую жизнь за гробом...».

В том же духе цитируется императрица (о Распутине): «...Но ты ведь знаешь, Аликс, что Бог никогда не наделяет способностями творить чудеса детей цивилизации».

Что не мешает тому же автору тут же легко и органично писать о цивилизации в традиционно позитивном ключе: «Николай обладал всеми качествами лояльнейшего президента цивилизованной республики, что заставляло его часто забывать, что Невский проспект и Елисейские поля – это далеко не одно и то же... Мы не поняли того, что помощь белым армиям являлась залогом победы над тем злом, которое угрожает всему цивилизованному миру... Когда я нахожусь в Европе, я всегда испытываю чувство, как будто гуляю по красивым аллеям кладбища, в котором каждый камень напоминает мне о том, что цивилизация покончила самоубийством в августе 1914 года... Я не считаю современную эпоху ни цивилизованной, ни христианской».

При этом парадоксально, что негативная предустановка может присутствовать в самых, казалось бы, неромантичных концепциях и теориях: «Или, как это думает Спенсер, такой пружиной является потребность наибольшего счастья, которая все полнее удовлетворяется более сложными формами цивилизации? Тогда следовало бы доказать, что счастье возрастает вместе с цивилизацией... Даже если правда, что теперь мы склонны искать счастье в промышленной цивилизации, то ничто не убеждает нас в том, что в будущем мы не будем искать его в чем-нибудь другом» [5, с. 256–309].

Главное в этой бесконечной россыпи – удержаться от выяснения, кто прав, а кто заблуждается, и признать такого рода амбивалентность свойством самого предмета. Такой взгляд на вещи защищает от бесконечных и столь же

бессмысленных дискуссий и учит скорее аналитической эмпатии – стремлению понять мотивы, смыслы и интенции людей, делающих подобные заявления о цивилизации и цивилизациях, даже если при этом они, казалось бы, самым неподобающим образом противоречат сами себе.

5. «Большой маршрут». О константах и динамике цивилизационной истории

Осталось показать, каким образом метод максимально широкой сборки дискурса о цивилизации работает при рассмотрении реальных проблем и коллизий, в том числе тех, что в настоящее время уже достаточно остро дискутируются в рамках темы «Российский проект цивилизационного развития». Подключение составляющих и смежных аспектов, таких как связь духовной и материальной цивилизации, идеология и политика, культура, идентичность, вызов и ответ, источники существования, цивилизационная эсхатология и т.д. и т.п., способствует не только полноте охвата, но и связности понимания в сквозной логике концепции. Таково необходимое условие движения от мнения к теории.

5.1

В качестве методологии предлагаемый холистический подход ориентирован не столько на отсеивание «неправильных» значений, сколько на их равноправную (и в этом смысле либеральную) сборку. Для этого требуется особого рода эмпатия – способность поставить себя на место оппонентов и тем самым прояснить их собственные смыслы и специфические интенции. Это не означает согласия с любыми чужими позициями; скорее наоборот, прояснение сути и различия контекстов вскрывает грубые идейно-политические конфликты, до этого успешно маскируемые имитацией тонкой аналитики и якобы академических дискуссий. Особенно это полезно, когда в историософических моделях оказываются упакованы вполне определенные идеологии и политические программы, открыто прокламировать которые у их сторонников не хватает решимости ввиду внешних обстоятельств и ответственности по отношению к собственной позиции. Если же договаривать начатое до конца, до конкретных политических выводов, становится понятным, иносказанием борьбы каких образов и проектов будущего России является вся эта имитация «игры в бисер», в частности вокруг констант истории России.

В случае, когда люди почему-либо упорно не договаривают собственных концепций до конца сами, это всегда можно сделать за них: логика превращения идей в политику, как правило, достаточно объективна и допускает достоверные реконструкции. Во всяком случае, у реконструируемых всегда остается право оспорить эти реконструкции, хотя такое оспаривание чаще оказывается еще более саморазоблачительным.

Почти идеальной в качестве материала для такого опыта выглядит система взглядов так называемого консервативного патриотизма, которую С.А. Никольский пытается критиковать в докладе и в предпосланной этому докладу статье из «Вопросов философии».

Прежде всего, есть все основания полагать, что в данном случае мы имеем дело не с противостоянием разных историософских школ и подходов, а с гораздо более глубоким конфликтом – с лишь слегка закамуфлированным проявлением «холодной гражданской войны в сфере идеологии» и не только. Иначе это называется «полемика на поражение». Если воспользоваться близкими С.А. Никольскому аналогиями из художественной литературы, то это даже не набоковские герои и судьбы, а, если угодно, подобие «Тихого Дона» – во всем богатстве перипетий и коллизий этой величественной и суровой драмы с множеством летальных исходов. (Но, правда, с поправками на нынешнее измельчание характеров и самих убеждений.) Свое оперативное появление вблизи такого рода дискуссий я объясняю простым словом из известного фильма: «Стреляли...».

5.2. Рефлексия, теория, историософия, идеология, политика, пропаганда

Критику своих оппонентов, идеализирующих константы российской истории пантеоном от Николая I до Сталина, С.А. Никольский усиливает за счет расширения арсенала историософии опытом и возможностями философствующей высокохудожественной литературы. Его коварный план понять несложно: далеко не все гении великой русской словесности были падкими на прелести кнута и самовластья. Скорее наоборот. Свободолюбие и стремление к политической цивилизованности – одна из очевидных и наиболее привлекательных констант великой русской литературы, и отказываться от этой традиции у ее наследников нет никаких оснований, кроме податливости актуальному политическому насилию.

Тот факт, что С.А. Никольский выступает здесь с откровенным «иду на вы», означает, что в структуре общего мегапроекта, а также в его жанровом спектре и публикационной стратегии определяется вполне характерная линия острой идеологической полемики. Эту линию в любом случае не получится «растворить» в теоретических упражнениях и исторических экскурсах. Тем более эта проблема станет явной, если и когда данная линия получит развитие и постепенно начнет осваиваться в более подходящих для подобной тематики полемических форматах. В любом случае уже сейчас есть основания задуматься о возможности отдельной прописки этой полемики в рамках общей публикационной стратегии и в гипотетической структуре финального отчета по теме. Не во всякий контекст такое выяснение отношений гармонично встраивается. В торговле это называется «проблема товарных соседств».

Что касается теории, то начать здесь можно было бы с методов критики идеологии у Маркса: у нас нет никаких оснований отказываться от такой критики и самокритики в отношении идеологий недавнего времени и тех, с которыми приходится иметь дело сейчас, в отношении оппонентов и самих себя. После «Немецкой идеологии» и особенно после «18-го брюмера...» принимать упаковку за самое содержание просто неинтересно. И сейчас нет такой привилегированной позиции, которая защищала бы нас от подобного рода сокрушительного анализа и самоанализа. Традиции прошлых поколений, как и прежде, тяготеют, как кошмар, над умами живых...

В параллельных концепциях такое отношение можно было бы трактовать, например, в духе герменевтики (или политической экзегетики), дающей толкования и в том числе вскрывающей всякую неявную интенциональность. Холлистическая установка предлагаемого нами подхода коррелирует с принципами герменевтического круга даже в первичной интерпретации Шлейермахера (через диалектику части и целого), не говоря о Дильтее, а затем Хайдеггере.

В теории среднего уровня можно было бы воспользоваться понятиями установки и предустановки (Узнадзе, Анохин, Бернштейн и др.). Наивно рассчитывать, что на людей подействуют сколь угодно рациональные и убедительные аргументы извне, если подобную аргументацию они жестко блокируют на уровне самосознания и в презентации собственных идей, при выработке собственных позиций. Априорные взгляды и оценки здесь изначально, они предшествуют всякому анализу и всякой коммуникации, а потому неизменны – константны. Люди часто сначала в силу тех или иных причин занимают конкретные позиции, а уже потом становятся адептами их идеологического оформления. В результате они все время доказывают друг другу в качестве теорем то, что в действительности является для них аксиомами.

Если провести систематический жанровый анализ, то окажется, что в данном случае мы наблюдаем не просто снижение философии и историософии до уровня идеологии, но и дальнейшее снижение идеологии до уровня якобы научно фундированной публицистики. Идеология все еще предполагает те или иные перемещения в диспозиции «вера – знание»; здесь же компонента знания стремится к нулю и постепенно оказывается на грани, за которой для «убежденно говорящего» не так обязательна даже сама вера в то, что он проповедует (что, собственно, и выражается этим сладким словом «пропаганда»).

Понятно, что любая сколь угодно мощная контраргументация в данном случае позволяет отчасти повысить убежденность и мобилизованность и без того «своих», в некоторой степени воздействовать на колеблющихся, возможно, отчасти повлиять на массовку противоположного лагеря и уж точно никак не повлияет на позицию критикуемого оппонента – идеолога и пропагандиста. Однако диверсионная эмпатия действует в прямо противо-

положном направлении. В единоборствах, особенно в технике дзюдо, это трактуется как перехват движения и силы противника. Его позицию надо не опровергать, а, наоборот, принять как святое и доработать до логического конца, морального и политического. Надо достроить идеологию оппонента до реального политического проекта и мысленно довести этот проект до его возможного практического завершения. Так, учитывая константы и установки консервативной траектории от Николая I Романова до Иосифа Джугашвили, многое прояснило бы написание проекта открытого письма ученого совета Института философии РАН и авторского актива государственной темы «Российский проект цивилизационного развития». Адресат – политическое руководство страны: президент, премьер-министр, спикеры обеих палат Федерального Собрания. Возможности таких обращений в позапрошлом году были весьма эффективно использованы при коррекции схем госзадания и отчетности, исходивших от Министерства науки и образования Российской Федерации и примкнувшей части администрации РАН. В новом аналогичном по статусу письме на основании проведенного анализа российских исторических констант могли бы быть сформулированы конкретные предложения по отмене ряда базовых статей действующей Конституции Российской Федерации, прежде всего утверждающих народ «единственным источником власти, вводящих принципы разделения властей, независимого суда, неприкосновенности гражданских прав и свобод, выборности и регулярной ротации власти... Либо вся эта либеральная демократия заменяется альтернативными положениями типа единственным источником власти в Российской Федерации является...» (нужное указать), либо получается, что пропагандисты констант незаметно подталкивают руководство страны на конституционное преступление, именуемое узурпацией власти и сурово наказуемое (в Белоруссии, например, – смертной казнью).

В мягком варианте это могут быть адресованные власти рекомендации по обращению в нынешних условиях с демократическими и либеральными нормами действующей конституции в духе сталинской политической практики. Однако в любом случае вытекающие из историософии политические проекты необходимо не просто договаривать до конца, но и оставлять следы «в твердой графике». Поскольку это особый и еще не всеми освоенный жанр, тем более есть смысл оказать коллегиальное содействие консервативным патриотам в составлении подобных документов.

5.3. Имперские и мобилизационные стратегии. Ресурсный социум в XXI в.

Одной из фундаментальных консервативных констант является империя, имперское как политическая и геостратегическая модель и как тип сознания. При этом надо понимать, что апофеозом имперского в нашей истории была даже не царская Россия, и даже не СССР во главе соцлагеря. В прошлом веке

коммунистическая империя по сути и в потенции включала в себя все мировое революционное и национально-освободительное движение, а также все анклавные идеологии революционаризма, не исключая даже европейского троцкизма и маоизма с их очевидно нашей идейной генетикой.

Элементарная эмпатия вскрывает природу этого типа сознания, страдающего фантомными болями утрат распадавшейся империи со всеми минусами, но и плюсами такого рода государственной, культурной, да и просто цивилизационной сборки. Но это не мешает и проявлениям деконструктивного, а часто и злокачественного геополитического нарциссизма, фиксированного на глобальной грандиозности и всемогущественности, порой даже за гранью медицински, клинически квалифицируемого бреда величия.

Однако продление этой имперской константы в наше время тем более вызывает ряд вопросов. Можно сколько угодно рассуждать о традициях российской имперскости, но нельзя не видеть и макроисторической динамики всей этой глобальной платформы. Империи распадаются большими кусками, но это не значит, что их можно регенерировать механическим «свинчиванием» такими же макрофрагментами. Имперское как таковое, очевидно, переходит в совсем другие агрегатные состояния – уже перешло, и достаточно давно. Империи собираются поверх государственных границ, и в этой тенденции содержится нечто гораздо большее, чем формирование полных или частичных межгосударственных союзов. Империи нового типа – информационные, интеллектуальные, культурные, научно-технологические, финансово-экономические, социогуманитарные и т.п. – срastaются не «кусками», а за счет диффузии суверенных субъектов как атомов в неразрывном срастании идеально полированных металлических поверхностей. Это сборки по определению *либеральные* – в самом широком и глубоком смысле этого слова. Прямая и обратная диффузия активности сотен миллионов суверенных индивидов является для таких империй гораздо большей гарантией от распада, чем любые формально-договорные отношения, а тем более отношения силы. И наоборот: в настоящее время попытки все так же кусками собрать обломки прежних империй, как правило, контрпродуктивны; они приводят лишь к самоизоляции и геополитическому одиночеству с таким трудом гальванизируемых метрополий.

Все то же самое относится к безнадежным попыткам законсервировать, а часто и усилить когда-то эффективные мобилизационные стратегии. В этом новом мире побеждают образования, энергетика которых складывается из активности и инициативы множества суверенных субъектов. Централизованная мобилизация, бывшая еще на что-то способной примерно до второй трети прошлого века, с тех пор ни на что великое да и просто продуктивное уже не годится.

В нынешних весьма специфических условиях России «нефтедобывающая цивилизация» и «экономика трубы» реально работают скорее на демобилизацию. Ориентированная на перераспределение институциональная среда, по сути своей, враждебна всякому собственному производству. Вне собственной сырьевой модели государство распределяет права на ведение предпринимательской деятельности как своего рода ограниченный ресурс, подобно квотам на нефть или вылов рыбы.

Что же касается проблемы вызова и необходимости для России делать цивилизационный выбор здесь и сейчас, то и в этом отношении мобилизационные идеологии и стратегии самым очевидным образом блокируют возможности «смены вектора развития с сырьевого на инновационный» – со всем драматизмом возможности «поставить под вопрос само существование страны».

5.4. Локальные константы и общая динамика

Отдельную тему представляет собой временной, темпоральный срез проблемы развития цивилизации. В общем картировании множеств такого рода сюжетов, составляющем отдельную и весьма продуктивную задачу, можно выделить следующие основные аспекты, связанные с актуальными политическими воплощениями такого рода конструкций.

В том, что касается неизменности или изменчивости цивилизационных образований, это вопрос исключительно выбора контекста, а то и просто конвенциональной терминологической договоренности, вполне реализуемой при достаточной эмпатии к позиции оппонента. Это также вопрос исторической локализации: в одни периоды скорость таких изменений действительно близка к нулю, а в другие – настолько велика, что превышает возможности человеческой адаптации. Помимо «шока от будущего», подлинные эффекты «социотрясения» (Б.А. Грушин) может вызывать шок от уже наступившего настоящего.

Следующим принципиальным моментом является вопрос о наличии интегральных исторических тенденций (мегатрендов, по Нэсбиту), перекрывающих более локальные колебания, прорывы и возвраты, забегания и отставания. Такие мегатренды могут рассматриваться в масштабе глобального взаимодействия либо в суммарной направленности изменения локальных цивилизаций, в том числе России. Отрезвляющим моментом в таких дискуссиях является прямое сопоставление состояний, так или иначе отстоящих друг от друга в истории. Это может быть сопоставление разных состояний условного человечества, а может быть и сопоставление состояний конкретной общности, даже более локальной, чем отдельные государства-цивилизации. В таких сопоставлениях даже политические константы чаще всего утопают в общей динамике цивилизационных изменений во всей их многоаспектности.

В идеологических дискуссиях важно также учитывать, что уважаемый, цивилизованный консерватизм вовсе не отрицает наличия и ценности изменений, а лишь регулирует их радикализм и скорость в соответствии с более общей исторической динамикой. Идеализация констант скорее свойственна так называемым *палеоконсерваторам*. Приписывание России в этом плане какого-либо особенного консерватизма, во-первых, противоречит исторической эмпирии, а во-вторых, выглядит оскорбительно для нации. Слишком похоже на утверждение известного историка о том, что у русских есть одна лишняя хромосома.

Кроме того, подобные утверждения взрывают и сами константы. Сама сталинская идеология базируется на культе революционных изменений, разогреве исторической динамики, опережении всего прогрессивного человечества в его экзальтированном стремлении в очень светлое будущее. Нетрудно догадаться, сколько лет без переписки можно было получить при Сталине за добрые слова в адрес Николая «Палкина». Или за неуважение в адрес пугачевых, разиных, болотниковых и далее по списку.

В новейших условиях необходимо также учитывать проблему изменения самого характера изменений. Идеология констант более расположена к распространению на историю причинно-следственных, так называемых *динамических* закономерностей в духе лапласовского детерминизма. С некоторых пор такого рода архаика уступает место опоре на логику *стохастических, вероятностно-статистических закономерностей*. Более того, в последнее время все большее значение придается логике *бифуркаций* – изменений, в которых малые сигналы на входе дают непредсказуемо сильные эффекты на выходе. В частности, эта логика многое проясняет и во всей истории русской революции от начала прошлого века до ее самых последних развилок, вплоть до «обнуления».

5.5. Метаидеология. Металиберализм

В докладе С.А. Никольского не случайно просматривается и явное стремление обнаружить нечто общечеловеческое, которое обеспечивало бы саму возможность всечеловеческого в разных границах, локусах и масштабах его применимости. Эта проблема реально существует, однако она вряд ли решаема в одном измерении.

В самом деле, триумфальное шествие всечеловеческого возможно только при условии, когда сама его логика и ценности представлены в той или иной именно общечеловеческой конструкции.

При более строгом анализе выясняется, что это в чистом виде проблема ведения и введения метаязыка, без которого, как известно, фатально неразрешимы даже хрестоматийные античные апории.

В теории идеологии эта же проблема идеально иллюстрируется классическим сюжетом из тургеневского «Рудина»: «У меня абсолютно нет никаких убеждений. – Вы в этом совершенно уверены? – Да. – Так вот вам на первый случай ваше первое убеждение». Или так: «Вы абсолютно убеждены в универсальности логики и ценностей всечеловеческого? – Да. – Так вот нам на первый случай наше еще одно общечеловеческое (но уже на метауровне, в горизонте идеологических высказываний об идеологии)».

Далее придется признать, что такого рода метаидеология по определению является именно либеральной. Классический вариант – содержащийся в Конституции Российской Федерации запрет на огосударствление какой-либо одной из идеологий с признанием ее доминирующей и общеобязательной. Как только мы отказываемся от этого либерального по самой своей сути запрета, мы тут же делегируем неизвестно кому право навязывать нам нечто общечеловеческое, в зависимости от взглядов и вкусов господствующей на данный момент группировки. С последующей сменой государственной идеологии на другое общечеловеческое, сплошь и рядом прямо противоположное предыдущему по взглядам и ценностям.

Отсюда напрашивается выход на проблему иерархии и масштабирования всечеловеческого как определенной модели отношений. Сейчас мы примерно понимаем, что такое всечеловеческое в глобальном масштабе, в соотношении макроцивилизаций. Но тот же самый вопрос встает, когда бывший однополярный, а ныне многополярный мир разделяется на однополярные зоны. Очевидно, мы здесь не можем удовлетвориться допущением *локального общечеловеческого* в пределах доминации той или иной локальной цивилизационной модели (например, в зоне исконно российского влияния, а тем более русского мира).

Следующий уровень определяет статус всечеловеческого и общечеловеческого в масштабах одного государства, одной политической системы. Например, в отношении к оппозиции. Отказ от логики и ценности всечеловеческого на данном уровне также возможен только изменой металиберальным принципам.

Не так трудно вообразить, что представляет собой всечеловеческое в логике, политике и этике на уровне института, мегатемы или даже отдельного монографического издания (хотя уже на уровне коллективной книги возникают явные сложности со структурой и композицией – с конкретным проектом). Скорее всего, выход здесь также может быть найден в разделении предметности и метауровня, когда этос всечеловеческого каждый отдельный автор пытается освоить и применить уже в отношении к общему дискурсу о цивилизации.

И, наконец, чисто технический, казалось бы, момент. Для нормальной имплементации данного подхода понадобится преодолеть соблазняющие многих гуманитариев иллюзии возможности жесткого управления значениями и смыслами посредством обмена сугубо формальными дефинициями. Логическая семантика и теория определения знают целый ряд других, более естественных форм фиксации значения и смысла – через определения операциональные, остенсивные, контекстуальные и пр. Реальная жизнь языка, в том числе языка строгой науки, активнейшим образом пользуется всей этой семантической машинерией. Дискурс о цивилизации в силу специфики самого этого предмета тем более требует проработки каждого из таких реально работающих контекстов и вытекающих из них смыслов – так, чтобы участники общения во всей этой полисемии не терялись, а, наоборот, свободно пользовались ее богатством. При адекватной проработке и нормальной предустановке люди в реальной коммуникации прекрасно понимают друг друга – при всей нестрогости словообразования и мерцании несводимых друг к другу смыслов. Они, никак этого специально не оговаривая, легко перепрыгивают с одного смысла на другой, но при этом делают это синхронно и согласованно, поскольку контексты проработаны.

Рубцов Александр Вадимович – руководитель сектора философских исследований идеологических процессов Института философии РАН.
109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Alexander V. Rubtsov – Head of the Department of the Philosophical Studies of Ideological Processes, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.
109240, 12/1 Goncharnaya str., Moscow, Russia.
roubcov@inbox.ru

Список литературы

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступит. ст. С. Баньковской. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 286 с. URL: <https://avidreaders.ru/download/voobrazhaemye-soobschestva.html?f=pdf> (дата обращения: 23.04.2021).
2. *Бенвенист Э.* Цивилизация. К истории слова // *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 386–396. URL: http://ec-dejavu.ru/c-2/Civilization_Benveniste.html (дата обращения: 23.04.2021).
3. *Гранин Ю.* «Цивилизационный подход». Становление и эволюция // *Проблемы цивилизационного развития.* 2020. Т. 2. № 2. С. 65–85.
4. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Пер. с франц. и послесл. Я.И. Свирского; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.

5. Дюркгейм Э. Метод социологии // Западноевропейская социология XIX – начала XX веков. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. С. 256–309. URL: <http://www.univer.omsk.su/students/s01percev/socio/durk1.htm>
6. Какое прошлое нужно будущему России. URL: <https://komitetgi.ru/analytics/3076/#2> (дата обращения: 23.04.2021).
7. Котова М. Черновики Михаила Булгакова (о чем говорят сожженные страницы, вычеркнутые слова, стертые имена и пометки карандашом). URL: <https://www.liveinternet.ru/users/bo4kameda/post435594584/> (дата обращения: 23.04.2021).
8. Макаров И. Исламский цивилизационный проект: то, чего нет // СОНАР, 24.10.2017. URL: <https://www.sonar2050.org/publications/islamskiy-civilizacionnyy-proekt-to-chego-net/> (дата обращения: 23.04.2021).
9. Медведев в обращении к россиянам назвал коронавирус угрозой цивилизации // РБК, 30.03.2020. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e8127b89a794769771dd9df> (дата обращения: 23.04.2021).
10. Медведев назвал коронавирус угрозой всему человечеству // РИА Новости, 30.03.2020. URL: <https://ria.ru/20200330/1569327709.html> (дата обращения: 23.04.2021).
11. Медведев назвал пандемию COVID-19 угрозой цивилизации, но призвал россиян не паниковать // Коммерсантъ, 30.03.2020. URL: <https://www.kommer-sant.ru/doc/4792826> (дата обращения: 23.04.2021).
12. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Под общ. ред. Н.И. Лапина; пер. с англ. М.: Весь мир, 2011. 256 с.
13. Обретение будущего: Стратегия 2012. М., 2011. URL: http://www.insor-russia.com/files/Finding_of_the_Future%20.FULL_.pdf (дата обращения: 23.04.2021).
14. Обретение будущего: Стратегия 2012. Конспект. М.: Экон-информ, 2011. 95 с. URL: http://www.insor-russia.com/files/Finding_of_the_Future%20.Summary.pdf (дата обращения: 23.04.2021).
15. Путин В.В. Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» // Сайт Президента России, 08.02.2008. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24825> (дата обращения: 23.04.2021).
16. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 282 с.
17. Россия XXI века: образ желаемого завтра. М.: Экон-информ, 2010. 66 с. URL: http://www.insor-russia.com/files/Obraz_gel_zavtra_0.pdf (дата обращения: 23.04.2021).
18. Рубцов А.В. Архитектоника постмодерна: время // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 37–47.
19. Рубцов А.В. Архитектоника постмодерна: континуум // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 66–76.
20. Рубцов А.В. Архитектоника постмодерна: пространство // Вопросы философии. 2012. № 4. С. 34–44.
21. Рубцов А.В. Миллениалы эпохи postmodern. Сможет ли новое поколение изменить мир // Человек. 2020. Т. 31. № 5. С. 129–145.
22. Рубцов А.В. Нефтедобывающая цивилизация. Система понятий и масштабы бедствия // Неприкосновенный запас. 2019. № 4. С. 148–164.
23. Рубцов А.В. Российская идентичность и вызов модернизации. М.: Библиотека ИНСОР, Экон-информ, 2009. 260 с. URL: <https://iphras.ru/uplfile/ideol/roubcov/Identichnost.html> или http://www.insor-russia.com/files/Rubchov_Rus_ident.pdf (дата обращения: 23.04.2021).
24. Рубцов А. Уроки китайского // Ведомости, 29.11.2011. URL: https://iphras.ru/uplfile/ideol/roubcov/2011/Vedom_29_11.html (дата обращения: 23.04.2021).

25. Рубцов А.В. Цивилизационный выбор в постсоветском контексте: реальные и ложные цели // Политическая концептология. 2018. № 4. С. 6–21.
26. Рубцов А.В. Цивилизационный выбор в постсоветском контексте: условия задачи // Политическая концептология. 2018. № 3. С. 17–32.
27. Рубцов А., Богословский С. Мегaproект. О формате и контурах стратегии национального развития. М.: Социум, 2008. URL: https://iphras.ru/uplfile/ideol/roubcov/Megaproject_brosh/main.html (дата обращения: 23.04.2021).
28. Рубцов А., Богословский С. Мегaproект для России: идеология, политика, экономика. М.: Известия УД АП РФ: Спецпроекты, 2007. URL: https://iphras.ru/uplfile/ideol/roubcov/Megaproject_kniga/main.html (дата обращения: 23.04.2021).
29. Сельскохозяйственная цивилизация. URL: <https://sites.google.com/site/civilizacium/home/civilizacium/selskohozaistvennaa-civilizacii> (дата обращения: 23.04.2021).
30. Старостина Ю. Росстат назвал долю россиян без доступа к канализации // РБК, 02.04.2019. URL: <https://www.rbc.ru/economics/02/04/2019/5ca1d7949a79475d1c2f6e4a> (дата обращения: 23.04.2021).
31. Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.
32. Философия и идеология: от Маркса до постмодерна / Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов; сост. А.В. Рубцов. М.: Прогресс-Традиция, 2018. 464 с.
33. Шпенглер О. Причинность и судьба. Закат Европы. Т. I. Ч. I. Пб., 1923.
34. Эпштейн М. Рождение культуры из цивилизации // Эпштейн М. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX–XX веков. М., 1988. URL: https://www.booksite.ru/localtxt/epsh/tein/epshtein_m/parad_nov/index.htm (дата обращения: 23.04.2021).
35. Эткинд А. Природа зла. Сырье и государство. М.: НЛЮ, 2020. 504 с.
36. «Это реальная угроза для человеческой цивилизации». Медведев сравнил пандемию коронавируса с антироссийскими санкциями // Новости Санкт-Петербурга. Фонтанка.ру, 30.03.2020. URL: <https://www.fontanka.ru/2020/03/30/69058645/> (дата обращения: 23.04.2021).

References

1. Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostraneni nacionalizma / Per. s angl. V. Nikolaeva; vstupil. st. S. Ban'kovskoj. M.: KANON-press-C: Kuchkovo pole, 2001. 286 s. URL: <https://avidreaders.ru/download/voobrazhaemye-soobshchestva.html?f=pdf> (reference date: 23.04.2021).
2. Benvenist E. Civilizaciya. K istorii slova // Benvenist E. Obshchaya lingvistika. M.: Editorial URSS, 2002. S. 386–396. URL: http://ec-dejavu.ru/c-2/Civilization_Benveniste.html (reference date: 23.04.2021).
3. Granin Yu. «Civilizacionnyj podhod». Stanovlenie i evolyuciya // Problemy civilizacionnogo razvitiya. 2020. T. 2. № 2. S. 65–85.
4. Delez Zh., Gvattari F. Tsyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya / Per. s franc. i poslesl. Ya.I. Svirskogo; nauch. red. V.Yu. Kuznecov. Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: Astrel', 2010. 895 s.
5. Dyurkgejm E. Metod sociologii // Zapadnoevropejskaya sociologiya XIX – nachala HKH vekov. M.: Mezhdunarodnyj universitet biznesa i upravleniya, 1996. S. 256–309. URL: <http://www.univer.omsk.su/students/s01percev/socio/durk1.htm>
6. Kakoe proshloe nuzhno budushchemu Rossii. URL: <https://komitetgi.ru/analytics/3076/#2> (reference date: 23.04.2021).
7. Kotova M. Chernoviki Mihaila Bulgakova (o chem govoryat sozhzhennye stranicy, vycherknutye slova, stertye imena i pometki karandashom). URL: <https://www.liveinternet.ru/users/bo4kameda/post435594584/> (reference date: 23.04.2021).

8. Makarov I. Islamskij civilizacionnyj proekt: to, chego net // SONAR, 24.10.2017. URL: <https://www.sonar2050.org/publications/islamskij-civilizacionnyy-proekt-to-chego-net/> (reference date: 23.04.2021).
9. Medvedev v obrashchenii k rossiyanam nazval koronavirus ugrozoi civilizacii // RBK, 30.03.2020. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e8127b89a794769771dd9df> (reference date: 23.04.2021).
10. Medvedev nazval koronavirus ugrozoi vsemu chelovechestvu // RIA Novosti, 30.03.2020. URL: <https://ria.ru/20200330/1569327709.html> (reference date: 23.04.2021).
11. Medvedev nazval pandemiyu COVID-19 ugrozoi civilizacii, no prizval rossiyan ne panikovat' // *Kommersant*, 30.03.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4792826> (reference date: 23.04.2021).
12. Obzornyj doklad o modernizacii v mire i Kitae (2001–2010) / Pod obshch. red. N.I. Lapina; per. s angl. M.: Ves' mir, 2011. 256 s.
13. Obretenie budushchego: Strategiya 2012. M., 2011. URL: http://www.insor-russia.com/files/Finding_of_the_Future%20FULL_.pdf (reference date: 23.04.2021).
14. Obretenie budushchego: Strategiya 2012. Konspekt. M.: Ekon-inform, 2011. 95 s. URL: http://www.insor-russia.com/files/Finding_of_the_Future%20Summary.pdf (reference date: 23.04.2021).
15. Putin V.V. Vystuplenie na rasshireнном zasedanii Gosudarstvennogo soveta «O strategii razvitiya Rossii do 2020 goda» // Sajt Prezidenta Rossii, 08.02.2008. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24825> (reference date: 23.04.2021).
16. Rorti R. Sluchajnost', ironiya i solidarnost'. M.: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1996. 282 c.
17. Rossiya XXI veka: obraz zhelaemogo zavtra. M.: Ekon-inform, 2010. 66 s. URL: http://www.insor-russia.com/files/Obraz_gel_zavtra_0.pdf (reference date: 23.04.2021).
18. Rubcov A.V. Arhitektonika postmoderna: vremya // *Voprosy filosofii*. 2011. № 10. S. 37–47.
19. Rubcov A.V. Arhitektonika postmoderna: kontinuum // *Voprosy filosofii*. 2016. № 6. S. 66–76.
20. Rubcov A.V. Arhitektonika postmoderna: prostranstvo // *Voprosy filosofii*. 2012. № 4. S. 34–44.
21. Rubcov A.V. Millenialy epohi postmodern. Smozhet li novoe pokolenie izmenit' mir // *Chelovek*. 2020. T. 31. № 5. S. 129–145.
22. Rubcov A.V. Neftedobывayushchaya civilizaciya. Sistema ponyatij i masshtaby bedstviya // *Neprikosnovennyj zapas*. 2019. № 4. S. 148–164.
23. Rubcov A.V. Rossijskaya identichnost' i vyzov modernizacii. M.: Biblioteka INSOR, Ekon-inform, 2009. 260 c. URL: <https://iphras.ru/uplfile/ideol/roubcov/Identichnost.html> ili http://www.insor-russia.com/files/Rubcov_Rus_ident.pdf (reference date: 23.04.2021).
24. Rubcov A. Uroki kitajskogo // *Vedomosti*, 29.11.2011. URL: https://iphras.ru/uplfile/ideol/roubcov/2011/Vedom_29_11.html (reference date: 23.04.2021).
25. Rubcov A.V. Civilizacionnyj vybor v postsovetskom kontekste: real'nye i lozhnye celi // *Politicheskaya konceptologiya*. 2018. № 4. S. 6–21.
26. Rubcov A.V. Civilizacionnyj vybor v postsovetskom kontekste: usloviya zadachi // *Politicheskaya konceptologiya*. 2018. № 3. S. 17–32.
27. Rubcov A., Bogoslovskij S. Megaproekt. O formate i konturah strategii nacional'nogo razvitiya. M.: Socium, 2008. URL: https://iphras.ru/uplfile/ideol/roubcov/Megaproject_brosh/main.html (reference date: 23.04.2021).
28. Rubcov A., Bogoslovskij S. Megaproekt dlya Rossii: ideologiya, politika, ekonomika. M.: Izvestiya UD AP RF: Specproekty, 2007. URL: https://iphras.ru/uplfile/ideol/roubcov/Megaproject_kniga/main.html (reference date: 23.04.2021).

29. Cel'skohozyajstvennaya civilizaciya. URL: <https://sites.google.com/site/civilizacium/home/civilizacium/selskohozaistvennaa-civilizacii> (reference date: 23.04.2021).
30. Starostina Yu. Rosstat nazval dolyu rossiyan bez dostupa k kanalizacii // RBK, 02.04.2019. URL: <https://www.rbc.ru/economics/02/04/2019/5ca1d7949a79475d1c2f6e4a> (reference date: 23.04.2021).
31. Stepin V.S. *Civilizaciya i kul'tura*. SPb.: SPbGUP, 2011. 408 s.
32. *Filosofiya i ideologiya: ot Marksa do postmoderna* / Otv. red. A.A. Gusejnov, A.V. Rubcov; sost. A.V. Rubcov. M.: Progress-Tradiciya, 2018. 464 s.
33. Shpengler O. *Prichinnost' i sud'ba. Zakat Evropy*. T. I. Ch. I. Pb., 1923.
34. Epshtejn M. *Rozhdenie kul'tury iz civilizacii* // Epshtejn M. *Paradoksy novizny. O literaturnom razvitii XIX–XX vekov*. M., 1988. URL: https://www.booksite.ru/localtxt/epsh/tein/epshtein_m/parad_nov/index.htm (reference date: 23.04.2021).
35. Etkind A. *Priroda zla. Syr'e i gosudarstvo*. M.: NLO, 2020. 504 s.
36. «Eto real'naya ugroza dlya chelovecheskoj civilizacii». Medvedev sravnil pandemiyu koronavirusa s antirossijskimi sankcijami // *Novosti Sankt-Peterburga*. Fontanka.ru, 30.03.2020. URL: <https://www.fontanka.ru/2020/03/30/69058645/> (reference date: 23.04.2021).